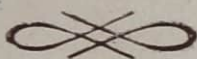

17.653к 7

А. И. ОРЛОВ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ
И ФОЛЬКЛОР
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОГИЗ — ИВГИЗ — 1948

К Н И Г А
из личной библиотеки
краеведа

ЛОГИНОВА
СЕРГЕЯ ФЕДОРОВИЧА

Дар Ивановской
областной научной
библиотеке

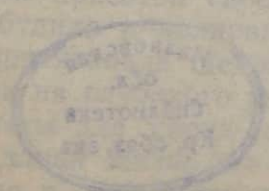
Июнь 1980 г.

А. И. ОРЛОВ

кандидат филологических наук

А. Н. ОСТРОВСКИЙ
И ФОЛЬКЛОР
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Кр. 18.653.

94

ОГИЗ
ИВАНОВОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1948

2010

Не так далеко от Кинешмы, немного в стороне от бойкого Галичского тракта, находится старинная усадьба. Отсюда, с высокой горы, открывается живописный вид на обширную долину, с извилистыми лентами рек Куенги и Сендеги, на горы, леса и овраги, скрывшие Волгу.

Здесь на пустынном погосте, под кленом, темнеет памятник. На мраморе вырезано:

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ОСТРОВСКИЙ.

Родился 31 марта 1823 г.

Скончался 2 июня 1886 г.

Слова скупые и значительные. Они отмечают начало и конец жизненного пути великого русского драматурга, чье имя, наряду с Шекспиром и Мольером, вошло блестящей страницей в историю мирового театра.

Усадьба Щелыково — не родовое гнездо: она приобретена отцом драматурга. Но род Островских — исконно волжский: и дед, и отец были костромичами. Александр Николаевич, хотя и родился в Москве, но считал себя волжанином; недаром он в качестве почетного судьи каждый месяц ездил в Кинешму, да и вообще старался посещать ее: там у него было, где остановиться и с кем поговорить.

Волга величавой красотой своей природы влекла к себе художника, будила и волновала его воображение и как магнитом притягивала щедротами своего фольклора. Отсюда, как из глубокого резервуара, черпал он язык, образы, сюжеты для своих замечательных пьес. И этот фольклор давал жизнь его созданиям, так как «наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа» (Горький).

Наши писатели всегда ощущали кровную связь со своим народом, и это ощущение было непременным условием для подлинного творчества. Убежденность, что «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись» (Тургенев, «Рудин»), была вопросом творческой жизни или смерти для русского писателя. Корифеи русской литературы стали великими потому, что отражали величие жизни своего народа.

Глубоко и широко охватывая жизнь, выбирая из нее наиболее важное и интересное для масс, смотря на факты жизни глазами народа, русский писатель становится ближе к народу. Для этого необходимо не этнографическое знание всех основных характерных особенностей народа, а понимание, органическое сживание с ними и принятие их в качестве нормы самосознания и поведения.

Это и является критерием, по которому разграничиваются понятия «народность» и «этнографизм» в художественной литературе.

При обращении к фольклору Островский избежал сырого этнографизма. Он создавал свои художественные произведения, пользуясь фольклором, творчески переработанным и приспособленным для идейно-художественных целей. Воспитывая свой художественный вкус на фольклоре (в широком значении этого понятия), при решении общественных вопросов руководствуясь идеей народности, Островский обнаруживает демократический характер взглядов и убеждений и становится подлинным русским писателем. Самой основной чертой его творчества является горячая любовь к родине, во имя которой он обличает темное царство и с чувством национальной гордости показывает светлые стороны в жизни своего народа.

Драматург занимался не коллекционерством и отыскиванием лишь фольклорных курьезов и экзотики. Он стремился наиболее полно и точно изучить фольклорный материал той среды, которую выбрал в качестве объекта для художественного изображения.

Фольклор тем более привлекал Островского, что, как драматург, он чувствовал в нем скрытое драматическое свойство. Не говоря уже о народной драме, в языке, гаданьях, сказках, песнях, обрядах—всегда пред-

полагается мимика, жест, мелодика, движение и установление связи исполнителя со зрителем или слушателем. На этом основании Островский и утверждает, что «драматическое произведение есть не что иное, как драматизированная жизнь», а поэтому «драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы». ¹

Все это дает возможность говорить об Островском как о писателе, хорошо знающем, что для создания крупного художественного произведения важна органическая связь с народным творчеством.

1. НАРОДНАЯ ПЕСНЯ И РОМАНС

Русская художественная литература всегда несла в себе элементы народной поэзии; это ее органическая черта. Истинные художники слова всегда обращались к неиссякаемому роднику народного творчества и, в частности, — к народной песне.

В огромной степени это относится и к Островскому — высокому ценителю фольклора, певцу, собирателю и знатоку русской народной песни, широкой волной издавна разливавшейся в Поволжье.

В середине минувшего века, в ту пору, когда начинается творческая работа Островского, пышно расцветают и широко бытуют русская песня и романс. Факт этот находит объяснение в складывающейся тогда социальной обстановке. Наблюдается пробуждение «разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству» (Ленин). ²

Новые общественные слои несли с собой те песни, которые тематически были близки им, откликаясь на их мысли, чувства и своеобразно реагируя на жизнь. Естественно, что этот бытовой песенный материал постепенно внедрялся в художественную литературу и именно при посредстве тех писателей, которые идейно и социально были связаны с этими общественными слоями.

¹ Заметки Островского, 1880 г.

² В. И. Ленин. Соч. т. XVII, стр. 341.

По своему составу этот песенный материал был довольно сложен; основная часть его была связана с крестьянским песенным искусством, но в него широко вливалась и песня, являвшаяся продуктом городской культуры. В целом это было слияние вековой крестьянской лирики, эмоциональной цыганской песни, бытового романса, лирических стихотворений русских поэтов и отчасти западного романса. Общим колоритом, в который окрашивалась эта песенная стихия, была повышенная эмоциональность в ее крайних проявлениях скорбного уныния и задорного юмора.

Наиболее тесный круг песенного окружения Островского определялся двумя источниками: городской московской музыкальной атмосферой и народной, крестьянской песенной стихией.

Городская песенная лирика в ту пору бытовала в самых широких слоях: среди купечества, мещан, среди ремесленников (портные, сапожники); песня слышалась и в мастерских, и в трактирах, и на гуляньях.

Одним из песенных центров была известная московская Печкинская кофейня (или «Железный трактир»), где встречались певцы самого различного социального положения, но связанные общей любовью к народной песне. Здесь вдохновенно пел Т. И. Филиппов, единодушно признаваемый художественным исполнителем народной песни; цыганские романсы под аккомпанемент гитары исполнял приятель Островского — поэт и критик Аполлон Григорьев. Выступали там гитарист, о котором только и было известно, что это — Николка Рыжий; театральный певец и композитор Е. И. Климовский (автор романса «Хуторок»); торбанист Алексей, про которого ходила легенда, что он «водку запивал квасом, потому что никакой закуски желудок уже не принимал». Собиратели песен М. А. Стахович и П. И. Якушкин охотно уступали место ярославскому приказчику Соболеву, большому любителю заунывных песен.

Встречался здесь и старик-цыган, родной брат Матрены, восхищавшей в свое время Пушкина. Пел и сам Островский.

М. М. Ипполитов-Иванов пишет, что Островскому в путешествии с композитором К. П. Вильбоа по Поволжью приходилось часто запоминать мотивы песен: «и я, — со смехом рассказывал Александр Николаевич,

— чтобы запомнить мелодии, целый день пел их до хрипоты, а потом уже вместе с Вильбоа мы их записывали».¹

Интерес к песне у Островского, вероятно, воспитала семья. Род Островских принадлежал к «поповскому»; это еще ничего не определяет, однако можно предположить, что народную песню могли здесь знать и любить; недаром же «наименования поп и попейца в смысле певец и певица существовали еще в дохристианскую эпоху Руси».² Впоследствии жизнь в Замошкворечи, в этой «белой Арапии», дополнила песенный репертуар.

Но наиболее глубокое, внимательное и сознательное изучение песни связано у Островского с Волгой. Путешествуя в 1848 г. по Волге, он в Костроме 28 апреля делает запись в дневнике: «Вид... вниз и вверх по Волге такой, какого мы еще не видали до сих пор. Мимо нас бурлаки тянули барку и пели такую восхитительную песню, такую оригинальную, что я не слышал ничего подобного из русских песен... Мы стоим на крутейшей горе, под ногами у нас Волга, и по ней назад и вперед идут суда то на парусах, то бурлаками, и одна очароват(ельная) песня преследует нас неотразимо. Вот подход (ит) расшива и издали чуть слышны очар(овательные) звуки; все ближе и ближе, песнь растет и полилась, наконец, во весь голос, потом мало-помалу начала стихать, а между тем, уж подходит другая расшива и разрастается та же песня. И так нет конца этой песни».³

2 мая 1849 г. Островский впервые приезжает в Шельково, а 10 мая он записывает: «Я начинаю привыкать к деревне; я обошел почти все окрестности, познакомился кой с кем из мужиков, видел крестьянский праздник». (Дневник, стр. 20).

Экспедиция 1856 г. (с Вильбоа) по верхнему Поволжью дала особенно много в смысле обогащения песенным материалом. Результатом поездки явились в

¹ М. М. Ипполитов-Иванов, 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях, стр. 66.

² Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, Т. I, примечание, стр. IV № 52.

³ А. Н. Островский. Дневники и письма. Под ред. В. Филиппова, М.-Л., 1931, стр. 17—18.

1860 г. два сборника народных песен. В них, как и вообще при сборе песен, Островскому принадлежала едва ли не главная роль: он и собирал, и отбирал, и запоминал мелодии, и умел разыскивать музыкальные гнезда песен.

Однако было бы грубейшей ошибкой считать Островского только кропотливым собирателем, желавшим поразить читателя и зрителя обилием использованного им в пьесах песенного материала. Островский с виртуозностью мастера-драматурга пользовался народной песней, заставляя ее быть в пьесах не стилизованным орнаментом, а нести сложную композиционную и тематическую роль. Взятые непосредственно у народа, песни могли быть так умело и талантливо переведены на язык театра и драматургии только при огромной любви Островского к фольклору.

Весь песенный фонд, которым пользуется драматург в своих пьесах, делится на такие жанры: народные песни, романсы и стилизации тех и других. Наиболее «песенными» пьесами являются «Бедность — не порок», «Гроза», «Снегурочка», «Воевода» («Сон на Волге»), «Не так живи, как хочется», «Доходное место». По материалу первые две — купеческие, три следующие — старинно-народные, последняя — чиновничья. Это как раз те пьесы, в которых отразилась основная тематика творчества Островского, причем пьесы «Снегурочка», «Воевода» («Сон на Волге») и «Гроза» по локальному признаку — волжские, они насыщены тем фольклором, который Островский мог черпать в своем родном Поволжье.

Среди песен, включенных в пьесы, есть много общераспространенных и, конечно, бытовавших в Ивановской области. Отметим только те, которые или взяты непосредственно в Поволжье, или так или иначе связаны с ним.

В комедии «Бедность — не порок» Яша Гуслин, носящий выразительную музыкально-литературную маску, поет типичную народную песню: «Размолодчики вы молоденькие, вы дружки мои...» (действие I, явл. 6) и песню «За реченькой, за быстрою» (действие II, явл. 5). Первая была хорошо известна посетителям Печкинской кофейни по исполнению ее Т. И. Филипповым, о чем свидетельствует Писемский в своем романе «Взбаламученное

море». Вторая песня записана Т. И. Филипповым в верхнем Поволжья и помещена в сборник песен, одним из составителей которого был Островский.

Песня девушек «На море утушка купалася» («Воевода», действие I, сц. 1, явл. 2), очевидно, известна была Островскому с детства и по тексту и по напеву. Об этом рассказывал Чайковский в письме к Римскому-Корсакову от 7 сентября 1876 г.: «Островский (довольно хорошо знающий русские песни) сам записал ее и передал на бумажке, которую я тщетно искал вчера в столе. Это было давно, кажется в 1866 г. Помню, что сущности я не изменил, но только одиатонизировал ее, ибо очень хорошо вспоминаю, что она была у него украшена диэзом вводного тона. Откуда же записал «Утушку» сам Островский, — не знаю. Полагаю, что он помнил ее с детства». ¹ Песня эта до сих пор бытует в приволжских районах Ивановской области.

Несомненно, на Волге слышал Островский песенку Максима Редрикова («Тушино»): «Прикажи-ка нам, хозяин», являющуюся бурлацкой песней, в которой характеризуются города Поволжья от Астрахани до Баханы.

Грустящий пьяный Жадов («Доходное место») с надрывом поет «Лучинушку» (действие III, явл. 4), одну из старинных и популярнейших народных песен, ставшую сюжетом для лубочных картинок. Песенники регистрируют ее в течение всего прошлого века (начиная с 1810 г.), в 1925 году она записана Л. Э. Каруновской в Костромском районе, ² по моим записям 1926 г. она бытует во многих селениях Кинешемского района.

Ряд юмористических песен так или иначе связан с Поволжьем. Песенка скомороха Еремки («Не так живи, как хочется»)

Я на камушке сижу,

Я топор в руках держу... (действие III, явл. 3).

повторенная в двух редакциях «Воеводы», встречается в различных вариантах у различных собирателей. Островский слышал ее в Поволжье во время поездки туда

¹ Сб. «А. Н. Островский и русские композиторы». Гиз, М.-Л. 1937, стр. 147.

² Сб. «Музыкальная этнография» под ред. Н. Финдейзена. Л. 1926 г., стр. 12.

е композитором Вильбоа и поместил ее в сборник Вильбоа 1860 г. Островскому был известен не только напев ее, но и искусные исполнители, о чем можно судить по письму композитора В. Н. Кашперова Островскому в семидесятых годах. Работая над оперой «Воевода», Кашперов писал: «Я бы зашел к Вам с остальными напевами и записал бы повернее «Я на камушке сижу» — и приготовил бы сегодня вечером — оркестр. Во всяком случае — лучше бы, кабы Вы устроили нам свидание с тем, кто будет петь упомянутую песню... Измаил Кондратьев (вероятно, один из театральных служащих. — А. О.) знает бурлацкий припев, если бы нужно было показать».

Кстати, В. Н. Кашперов высоко ценил Островского как знатока народной песни. В письме от 4 декабря 1865 г. он так характеризует указанный выше сборник песен, созданный при участии Островского: «Я теперь пронюхал как следует песни, Вами собранные и переложенные (скорее неудовлетворительно) г-м Вильбоа; это видно, что он мало живал с народом, — честь и слава тем, кто их собирал и выбирал, — тут в одной тетради содержания на несколько опер; — теперь для меня сделалось высшим наслаждением перечитывать их вечером и теряться в догадках, — так или эдак народ поет их; — а какой страшный разгул представляют эти песни музыкальному воображению!»¹

Запутавшемуся Петру («Не так живи, как хочется»), только что узнавшему, что его жена Даша встретила с его любовницей Грушей, Еремка поет развеселую, иронически интонируемую песню: «Куманечек, побывай у меня». Убедившись, что издевательский характер песни попал в цель, растравил душевную рану Петра, Еремка вызывается помочь Петру:

Уж и я ли твоему горю помогу!

Помогу-могу-могу-могу-могу. (действие III, явл. 6).

В цикле плясовых песен эта наиболее распространена; по моим записям она встречается во многих районах Ивановской области и, в частности, в Кинешемском, недалеко от усадьбы Щелыково.

¹ Сб. «А. Н. Островский и русские композиторы». Стр. 72.

Когда Разлюляев («Бедность—не порок») пробует запеть протяжную: «Летал медведь по поднебесью...» (действие I, явл. 9), его тотчас останавливают: «А ты хуже этой-то не знаешь?» Островскому, очевидно, нравился незатейливый комизм этой песни, он любил напевать ее своим знакомым, связывая ее с каким-то воспоминанием. Так, например, с первым стихом этой песни связано интересное письмо драматурга своим друзьям А. С. и С. С. Кошеваровым, П. М. Садовскому, И. Е. Турчанинову (1857 г.):

«Почтеннейшим и любезнейшим Алексею Семеновичу, Сергею Семеновичу, Прову Михайловичу, молодому Турчину Ивану Егоровичу и прочим мое нижайшее почтение и низкий поклон.

«Летал медведь по поднебесью».

Уж именно летал! Лишь только я приехал в Ярославль, пошел снег, значит—сиди дома да гляди в окошко, либо сочиняй. А так как сочинять уж мне надоело, то я глядел в окошко. Перед моими глазами во всей красоте на среднем здании гостиного двора со скрипом вертелся флюгер. А на флюгере знаете ли что? Ярославский герб. А Ярославский герб — медведь. Вот золоченый медведь, держась лапами за шпиль с алебардой на плече, пресмешно поворачивался по воле ветра. Я поглядел на него и подумал: ну, заехал я в медвежью сторону. Пришел чиновник губ(ернского) прав(ления), гляжу — на пуговицах медведь, пришел профессор лица — на пуговицах медведь, прошел мимо квартальный — на каске медведь; взглянул в окно, а медведь все летает по поднебесью. Видно и мне так летать».¹

В прологе «Снегурочки» бобыль поет песенку:

У Бакула бобыля
Ни кола, ни двора,
Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота.

Выражение «ни кола, ни двора», по сообщению друга Островского — С. В. Максимова («Крылатые слова»), «употребляется в крестьянском быту для означения че-

¹ А. Н. Островский. Дневники и письма, Academia 1937, стр. 101.

ловека, не имеющего недвижимого имущества и живущего личным трудом, а вовсе не в смысле дурного хозяина, как предполагает Даль», так как в Ярославской губернии «кол — это полоса пахотной земли, шириною в две сажени; следовательно, не иметь кола — значит не иметь пашни; не иметь двора — значит жить у других».

Как ни странно, исполнителями этих песен являются преимущественно мужчины, исполняя их с глубокой лирической взволнованностью. Особенно грустны песни тех, в любви которых препятствием является зависимое положение от богатых родителей любимой; таковы бедняк-приказчик Митя («Бедность — не порок»), Вася («Не так живи, как хочется»), племянник Торцова Гуслин («Бедность — не порок») и другие. Но и юмористические песни исполняются в большинстве случаев мужчинами: или профессионалами-шутниками (Еремка, шут), или персонажами с репутацией чудаков (Бакула, Елесья), или, наконец, просто веселыми людьми (Разлюляев). Тематика юмористических песен очень разнообразна: она охватывает те же мотивы, что в лирических и бытовых песнях, но в окраске юмора и иронии.

* * *

В начале минувшего столетия расцветает новый музыкальный жанр — романс. Тесно связанный с различными слоями русского общества, он отражал эстетический уровень, музыкальные вкусы этих слоёв. На романсе очень заметно сказался процесс демократизации русского искусства: сложившийся в аристократическом салоне, романс, переходя в среду разночинную, терял черты утонченного эстетизма, приобретая простоту, непосредственность и искренность выражения. На формирование бытового романса влияли и народная песня, и лирические арии итальянских и французских опер, и сентиментальный немецкий романс, и жгучая цыганская песня. Но эти музыкальные влияния, скрещиваясь в русском бытовом романсе, получали новое качество, — признаки русского художественного стиля. Приобретая широкую популярность, проникая в чиновничью, купеческую, разночинно-интеллигентскую среду, бытовой романс привлекает к себе внимание не только композиторов-дилетантов доглинкинского периода — Варламова,

Гурилева, Алябьева и др., но также и Глинки, и—позднее — Чайковского.

Совершенно естественно, что Островский, беря своих героев из купеческой или разночинной среды, довольно часто вводит в их роли пение популярных в то время романсов.

Хотя романсы эти и разнообразны по принадлежности тому или иному автору, однако построены преимущественно на любовной тематике, иногда незатейливо и густо расцвеченной сентиментальными красками. Их можно разделить на две группы: романсы на слова известных русских поэтов и романсы, не закрепившие за собой авторских имен; авторы первой группы принадлежат частично к XVIII в., романсы второй группы относятся к первой половине XIX в. Из поэтов XVIII в. взяты Ломоносов, Капнист и Мерзляков, а из XIX в. — Жуковский, Дельвиг, Баратынский, Пушкин, Фет, А. Григорьев и малоизвестные Ф. Толстой, Ниркомский, Ваненко (Башмаков), Ибрагимов, Любецкий, Малышев (Анордист), Корсак.

Большинство романсов, приводимых Островским в пьесах, общераспространенные. Укажем только на некоторые, так или иначе связанные с Поволжьем.

Действие в «Грозе» начинается самоучка Кулигин: с высокого берега он задумчиво и восторженно смотрит на необъятную ширь Волги, полей и лугов и дивится на то, «какая красота в природе разлита». Под этим впечатлением он поет романс: «Среди долины ровные, на гладкой высоте...»

Текст этого романса принадлежит А. Ф. Мерзлякову (1778—1830), культивировавшему жанр романсов, стилизованных под народное творчество. Стихотворение пользовалось значительной популярностью, печаталось в течение столетия в целом ряде песенников, — «Избранный песенник для прекрасных девишек и любезных женщин» (1820 г.), ивановский песенник «Коробейник» (1925 г.) и многие другие. Популярность его увеличилась, когда романс этот был положен на музыку И. А. Козловским (1757 — 1831). Интересна, кстати, судьба мелодии романса: по словам С. А. Богуславского, мелодия эта, «особенно популярная в салонах 1830-х гг., использована революционерами-демократами 60-х гг. для новой, протестующей песни «Закован в железо»,

посвященной сосланному журналисту М. И. Михайлову; в 1875 г. она же поется на новый текст «Замучен тяжелой неволей» (памяти умершего в 1875 г. народовольца Чернышева)¹

В «Шутниках» (действие II, явл. 4) введен романс Пушкина «Под вечер, осенью ненастной», который поет уличная певица под аккомпанемент шарманки.

Как известно, этот «Романс» (1814 г.) Пушкин считал незрелым, юношеским произведением и, подготавливая издание стихов в 1826 г., выбросил его; однако, «Романс» на следующий год появился «с полу-насильно вырванного согласия Пушкина» (С. Венгеров) в альманахе Б. Федорова («Памятник Отечественных Муз на 1827 год») и с этого времени приобретает широчайшую популярность.

Пренебрежительное отношение критики к пушкинскому «Романсу» Островский едва ли разделял, но он хотел показать путь проникновения и опошления романа в мещанской среде, подчеркнуть искажение его уличными певцами. В самом деле, текст у Островского отличается от Пушкинского.

Под вечер, осенью ненастной,
Пустынным дева шла местам,
И тайный плод любви несчастной
Держала трепетным рукам.
Все были тихи, лес и горы,
Все спали в сумерки ночной
Она внимательные взоры

Водила с ужасом вокруг. (действие II, явл. 4).

Второй куплет представляет смысловое, морфологическое и рифмовое искажение: певица «подает» текст механически, по укоренившейся привычке, не вникая в смысл стихов, — лишнее доказательство широкого бытования «Романса». В первом же куплете искажения очень любопытны: пушкинский стих «В пустынных дева шла местах» заменен «Пустынными дева шла местами», а певица эту переделку приспособила под костромской говор, в котором типичнейшими моментами является урезывание окончания в творительном падеже (вм. пу-

¹ С. А. Бугославский. «Песенные традиции в России XVIII — XIX в.в. «Сборник статей, посвященных акад. А. С. Орлову, изд. Ин-та Русск. Лит. Ак. Наук, 1934, стр. 149.

стынными—пустынным, местами—местам, трепетными—трепетным, руками—рукам). Островский, повидимому, сам говорил по-костромски, во всяком случае любил этот говор. В своем дневнике от 26 апреля 1849 г. он записал встречу на постоялом дворе с девушкой: «Разговаривали мы с ней часа два. Молоденькая, белокуренькая, черты тоненькие, а какой голосок. Да выговор-то наш костромской, — так и поет». (Дневники и письма, стр. 15). Вторично романс этот включен Островским в пьесу «На пороге к делу», где он поется волостным письмоводителем Тесовым (действие 1, явл. 11), человеком «в пестром потертом пиджаке и в цветном галстучке», читающим роман «Молодой дикой, или пагубное стремление первых страстей» и любителем «романсов самых чувствительных».

При рассмотрении вопроса о том, какие лица, как и почему поют в пьесах Островского романсы, мы обнаруживаем, что выбор романса для каждого персонажа предопределен. Поют и разночинцы, и дворяне, и купцы, и мещане. Но разночинцы, которым драматург симпатизирует, поют романсы на слова крупных поэтов XVIII и XIX вв. Дворянам, к которым Островский относился отрицательно, достаются тексты или менее художественные (напр. Ф. Толстого, Ибрагимова, Любецкого), или опошленные. Купечество поет «ресторанные» романсы или романсы малоизвестных авторов (Малышев-Анордист, Ваненко). Мещанство выбирает романсы с назойливо-чувствительной слезливостью.

Поют романсы чаще всего под гитару, очень популярный в то время инструмент.

Особенно нужно подчеркнуть, что внедрение романса в художественную ткань пьесы является у Островского значительным композиционным приемом. Романс служит одним из средств любовного объяснения и своей лиричностью часто сгущает и без того напряженную драматическую ситуацию. Например, тяжелые сцены объяснения Аннушки с Миловидовым («На бойком месте») и Ларисы с Паратовым («Бесприданница») идут на фоне романса, который служит не только орнаментом-усилителем, но органически включается в роль, неся эмоционально-смысловую нагрузку. Аннушка, говоря о минувшей любви Миловидова, о своих былых радостях, поет романс «Пела, пела пташечка». Лариса,

желающая порвать прошлые связи с Паратовым, при новой встрече с ним поет «Не искушай меня без нужды». Это — героини, которым драматург явно симпатизирует.

Если здесь романс служит выражением психологического состояния действующего лица в сцене, то в других случаях он используется в качестве характеристического элемента. Например, в объяснении Дульчина с Ириной («Последняя жертва») упоминается романс «Венгерка» Ап. Григорьева, расцениваемый в контексте как «ресторанный» романс, что, в конечном счете, характеризует Дульчина.

Излишне доказывать, что введение в пьесы романсов у Островского — не этнография, а реалистическое воспроизведение колорита изображаемой среды и характеров.

* * *

Помимо подлинных романсов и народных песен Островский включает в свои пьесы различного жанра стилизации. Его задача: создать нужный для той или иной сцены песенный материал, который в чистом виде не почерпнешь из фольклора, но который тематически необходим в сцене и может быть создан только путем поэтической стилизации; наконец, Островский имел все основания попытаться свои силы в мастерстве народного стиха.

В самом деле, стилизации исторических песен, древнерусских художественных произведений и старинных народных песен, созданные им с глубоким пониманием и вдохновенным проникновением, настолько художественно совершенны, что их, подчас, трудно отличить от подлинно народных. Это красноречиво говорит о том, как внимательно и серьезно изучал Островский старинную поэзию, как умел он отыскивать в ней наиболее ценное, выразительное и, наконец, как мастерски удавалось ему перевоплощаться в старинного автора-певца: гуслеяра, слепца — калику перехожего.

Стилизации Островского можно разделить на две группы: стилизации старинных песен и новых народных песен.

К первым относятся изумительные по художественному мастерству: песня гуслеяров в «Снегурочке» и стилизация «стиха душеполезного» о пустыне — в пьесе

«Козьма Захарыч Минин-Сухорук». Песня гусяров («Вещие, звонкие струны рокочут») навеяна «Словом о полку Игореве», этой жемчужиной древне-русской литературы; песня о пустыне выросла из духовного стиха «Плач Иоасафа», который распевали калики переходные.

Одной из лучших песен в «Воеводе» является колыбельная:

«Баю-баю, мил внучонок!
Ты спи-усни, крестьянской сын.
Допреж деды не видали беды,
Беда пришла, да беду привела
С напастями, да с пропастями,
С правежами беда, все с побоями... (действие III, явл. 3).

Колыбельная эта является исключительно мастерской стилизацией; в этой песне Островский использовал приемы и обороты из стариннейшей песни про татарский полон («Как за речкою, да за Дарьею»). Но усвоив приемы старинной песни, Островский вложил в нее свое содержание — мотив тяжелой крестьянской доли, близко соприкасающийся с некрасовскими темами. Драматург знал такие печальные песни, слышал в Поволжье и их тоскливо-грустные напевы. Секретарь Островского Н. А. Кропачев в своих воспоминаниях пишет об этой колыбельной: «Мотив песни подслушан Александром Николаевичем в Костромской губернии. Он с голоса сообщил его композитору В. Н. Кашперову, и тот переложил его на ноты».¹

Вместе с тем Мусоргский, немедленно после появления «Воеводы» в печати, создает свою колыбельную «Спи, усни, крестьянский сын», выбрав из всей пьесы именно эту песню, как наиболее социально насыщенную, тематически реальную и написанную выразительным, образным и гибким стихом, смыкающимся с размеренной речью народного говора.

Таким образом, Островский претворял взятый им из жизни песенный материал в художественно-литературный факт большого, действительного значения и нес обратно в жизнь в форме своих замечательных пьес.

¹ Н. А. Кропачев, А. Н. Островский в службе при императорских театрах, М., 1901.

2. НАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ

Внимательно и любовно погружаясь в фольклор, Островский не мог обойти тот своеобразный вид народного творчества, в котором проявилось слияние элементов народного искусства. Устойчиво бытовавшие в жизни обряды, как носители такого слияния, не могли выпасть из поля зрения драматурга. Они привлекали Островского и как проявление быта, и как драматическое действие, и как обширный резервуар песенной лирики.

Для детального изучения обрядов у Островского были широкие возможности.

В 40-х годах появились крупные исследования по фольклору (И. М. Снегирева, А. Терещенко, И. П. Сахарова), с которыми Островский если не вполне, то частично был знаком. Но кроме этих книжных источников, он черпал фольклор непосредственно из жизни.

Много материала давали Островскому его поездки. Всюду, где привелось ему побывать, он стремился наблюдать народный быт во всех его проявлениях и особенно во время праздничных гуляний. Отправившись впервые в Щельково в 1849 г., он остановился в Переславле-Залесском; зашел в рыбацью слободу. «Что за типы, что за красавицы женщины и девочки, — записывает он в своем дневнике. — Вот где я об землю бился и разрывался пополам. Да к нашему счастью был праздник и все было нарядно; девочки качаются на качелях или гуляют по улицам табунами, и, сверх того, разгулялась погода и солнце позолотило озеро».

Возможно, в эту поездку он мог узнать о расположенном недалеко от Переславля Берендеевом болоте (быв. Владимирской губ., Александровского у.), с которым связано предание о древнем граде берендеев, когда-то управляемом царем Берендеем. Приехав в Щельково 2 мая 1849 г., Островский в дневнике от 10 мая записывает: «Я начинаю привыкать к деревне; я обошел почти все окрестности, познакомился кой с кем из мужиков, видел крестьянский праздник. И все это хорошо...»

Из огромного количества обрядов Островский выбрал для изображения в своих пьесах очень крупные и важные обряды: календарные и свадебный. Разумеется,

драматург не ставил своей задачей дать подробное описание их; его цели — не этнографические, а художественно-литературные, обусловленные и тематикой, и композицией пьес.

Календарные обряды мы видим в «Снегурочке», этой весенней сказке, чарующей своей изумительно свежей поэзией. В эту сказку Островский вложил глубочайшую, неиссякаемую любовь к народному творчеству.

Подробно изображает драматург зимне-весенний праздник — масленицу. Обряд проводов масленицы, вставленный в пролог «Снегурочки», с мифологической основой — сжигание (смерть) зимы при наступлении (рождении) весны — относится к древнейшим и чрезвычайно распространенным. В нашей северной и средней полосе обряд этот имел некоторые типические черты: обычно на дровнях устанавливали соломенное чучело, украшенное цветными доскутами, лентами и проч. В дни масленицы чучело возили по деревне, а при проходах завозили в лес или к реке, чтобы «сжечь масленицу»; иногда чучело устанавливали в лодке, привязанной к саням.¹ У Островского чучело не уничтожают: оно олицетворяет собою определенное время года, которое, если и минует («умирает»), то вновь придет («оживет»). Об этом в «Снегурочке» говорит само чучело, перечисляя памятные даты мифологического календаря: «Сгорят огни купальные», «Карачуна проводите», «Придет пора морозная, морозная-колядная: Овсянь-коляду кликати». Чучело обещает: «Тогда и ждать меня опять».

Каждый акт «Снегурочки» вставлен в венок стилизованной или подлинной народной поэзии. Композиционной рамкой третьего акта являются обряды, связанные с празднованием Семика (четверг на седьмой неделе после пасхи), одного из главных летних праздников.

Местом (или «позорищем») празднования Семика избирались леса, заповедные рощи, берега озер и рек; это необходимо для завивания венков и пускания их по воде с гаданьем о возможном замужестве. Непременным символическим знаком Семика было срубленное

¹ По письмам С. Г. Нечаева, в Иванове в 60—70 г.г. на масленице местные Титы Титычи строили огромный деревянный корабль, ставили его на полозья и разъезжали по городу, сидя на палубе.

дерево (обычно — береза), украшенное лентами, а сами участники Семика нередко надевали на себя венки и несли в руках ветки. Семик сопровождался циклом различных песен, часть которых могла тематически не связываться с празднованием, но некоторые песни были специально приурочены к обряду и имели более или менее закреплённый текст. Такова, например, «Березынька», записанная в 1937 г. в одном из районов Ивановской области:

Иё, иё, березынька, завивайся,
Березка, завивайся кудрява,
К тебе девки идут со яшинками,
Со кокорочками, со сдобными.
Где девки шли, там и рожь густа,
Где ребята шли, там и пастбища.

Такова же в «Снегурочке» песня девушек и парней:

Ай, во поле липонька,
Под липою бел шатер.
В том шатре стол стоит,
За тем столом девица,
Рвала цветы со травы,
Плела венки с яхонты,
Кому венок износить?

Носить венок милому. (Действие III, явл. 1).

Истоками своими песня эта теряется в глубочайшей древности. Давно установлен факт совершения религиозных обрядов под деревьями (дубом, липой и др.). В. Борисов («Описание г. Шуи и ее окрестностей», М., 1851 г., стр. 154) утверждает, что находящееся вблизи г. Шуи село Дунилово раньше называлось «Дубниловым», так как, по местным преданьям, оно построено там, где рос дубовый лес, в котором в древние времена стоял идол Дубнило. А. Титов («Ростовский уезд») указывает на расположенную близ г. Ростова деревню Сажино, где находилась священная береза, обвешанная пестрыми лоскуточками, лентами и тесемками, на которую суеверный люд молился, как на икону. Академик А. Н. Веселовский отмечает: «В Нерехте в четверг перед духовым днем девушки кумятся, целуясь через венок, сплетенный в нижних ветвях дерева.»¹

¹ А. Н. Веселовский. Собр. соч. изд. Акад. Наук, т. 1 (1870—1899), 1913 г., стр. 256.

Островский дает вышеприведенную песню в качестве иллюстрации хода действия: Снегурочка сплела венки и отдала его Лелю.

Чтобы еще более усилить характерные особенности семицкого обряда, Островский включил в него чрезвычайно любопытную песню Брусилы: «Купался бобер» (действие III, явл. 1). Песня эта принадлежит к игровым, о чем предупреждает Брусило:

...сыграем при народе
Игру свою, что два года учили,
Тишком от всех, в овинах хоронясь.

Песня сопровождается мимической игрой Курилки. В ремарке Островского Брусило «поет песню, а Курилка представляет бобра». Подобные песни-игры, являясь как бы «зерном» драматического зрелища, сопровождаются имитированием движений зверя. П. О. Морозов в начале минувшего века отметил мимическую песню-игру про бобра в б. Нижнем-Новгороде; возможно, что она была широко распространена в Поволжье, и Островский мог наблюдать ее непосредственно.

Вся лучезарная весенняя сказка замыкается изображением появления солнца-Ярилы, которому берендеи поют хвалебный гимн:

Свет и сила,
Бог Ярило.
Красное солнце наше!
Нет тебя в мире краше.
Даруй, бог света,
Теплое лето.
Красное солнце наше!
Нет тебя в мире краше.
Краснопогодное,
Лето хлебородное.
Красное солнце наше!
Нет тебя в мире краше (действие IV, явл. 4).

В честь Ярилы издавна устраивались «ярилины гулянья», сопровождавшиеся различными драматическими действиями. Например, по свидетельству Ефименко, «в Галиче и Кинешме представителем Ярилы выбирали старика, уплаивали его и забавлялись над ним». Островский хорошо знал этот праздник: в своем щелыковском

дневнике, 1867 г., он отмечает: «11 июня Ярилин день», а в записной книжке (архив Островского, инв. № 10949) пишет: «Ярила—буй (праздник весенний), а говорит о белорусском происхождении. — Посмотреть жития Рост(овских) святых.—Отец(ественные) зап(иски) 1852 г., апр(ель)-май, ст(атьи) Буслаева». Эта запись говорит о том, с какой тщательностью исследовал Островский тот или иной фольклорный момент, привлекая для этого самый разнообразный материал.

Кроме календарных обрядов, Островский использовал в своих пьесах элементы свадебного обряда, издревле сохранявшего устойчивость своих форм. Наиболее крупный кусок из этого обряда дан в пьесе «Бедность — не порок», а мелкие детали рассыпаны и в других пьесах.

Сватовство Коршунова («Бедность — не порок») внешне изображено в плане старинного свадебного обряда. По грубому приказу старика-жениха («Девки, величайте меня. Я почет люблю») девушки без одушевления закупают «Величальную».

А кто у нас холост,

А кто не женатый?

Африкан-от холост,

Савич не женатый.

На коня садится,

Под ним конь бодрится,

К лугам подъезжает —

Луга зеленеют,

Цветы расцветают. (Действие II, явл. 10).

Песня эта с закрепленным текстом принадлежит к числу популярных и стариннейших в свадебном обряде. Друг Островского С. В. Максимов дает более полный вариант ее, очевидно почерпнутый в костромских краях (журн. «Ласточка», 1884 г. № 4, стр. 34). Записанная мною в 1923 г. в с. Шекшове (Ивановская обл.) песня эта имеет 42 стиха, кроме повторяющегося через каждые две строчки припева: «Ой, розан, мой розан, виноград зеленый». В Кинешемском районе мне пришлось в 1925 г. записать иной вариант, повидимому, более поздний, с налетом легкого юмора:

Жениться Ваня собирался,

С мылом умывался.

Розан ты мой алый,
Виноград зеленый.

В зеркало гляделся,
Сам себе дивился. (Припев).
Чтой-то я за парень,
Что я за пригожий. (Припев).
По горенке Ваня ходит,
Кудерьки наводит. (Припев).

По приказу Коршунова девушки затем запевают «свадбишную»: «Поблекнут все цветики во саду...» (действие II, явл. 10).

Островский сам записал эту песню; а так как он поместил ее в сборнике Вильбоа, с которым ездил по Волге собирать песни, то возможно, что эта песня — приволжская. Оттуда же, вероятно, и следующая песня «Ты, родимая моя матушка» (действие II, явл. 10). Она помещена в том же сборнике и текстуально отличается от вариантов, напечатанных другими собирателями (напр., Рыбниковым).

В «Снегурочке» есть эпизод, в котором звучит отголосок старинной формы брачного процесса, как купли-продажи. Это — выкуп Купавы Мизгирем:

Голубушки-девицы,
Пришел красы девичьей погубитель,
С подружками, с родными разлучитель.
Не выдайте подружку, схороните!
А выдайте, так за великий выкуп. (Действие I, явл. 6).

По этнографическим записям, сделанным мною в Кинешемском районе, сваты встарину обращались к родителям невесты: «Нет ли у вас продажной соломки?» — Нет. — «Ну, так нет ли продажной яровички?» — И ее нет. — «Ну, так нет ли красной девички?» — Красная девичка есть, можно ее и на базар у нас везть».

От более древнего пережитка формы брака — умыкания — сохранились следы в глухой провинции. Во времена Островского у девушек г. Торжка искони велся обычай тайного увоза невест. С этим фактом драматург столкнулся во время своей экспедиции по Волге и отразил его в пьесе «Горячее сердце», где Параша говорит: «Ты знаешь, в здешнем городе такой обычай, чтобы невест увозить. Конечно, это делается больше по согласию родителей, а ведь много и без согласия уво-

зят; здесь к этому привыкли, разговору никакого не будет». (Действие II, явл 2).

Однако в XIX веке, да еще в купеческой среде, были редки случаи умыкания, и, например, Петр («Лес») скоро должен был оставить свой проект увоза Аксюши. Но самый акт увоза рисовался в романтических красках, до которых большими охотницами были купеческие дочери, вроде Липочки Большой («Свои люди—сочтемся»):

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Что прикажете-с?

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзин. Да зачем же потихоньку-с, когда и так тленька с маменькой согласны?

Липочка. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти—так уж, пожалуй, и так. (Действие III, явл. 5).

В свадебном обряде активную роль играет невеста и ее родня, вообще женская половина, тогда как мужская, начиная с жениха, как будто считает, что ее роль окончена совершением купли-продажи, а вся романтическая, театральная сторона должна быть уступлена женщинам. Поэтому свадебный обряд обильно насыщен причитаниями женщин. Основная тема этих причитаний — расставанье с волей девичьей и печальная жизнь женщины.

Островский в рассыпанных по разным пьесам причитаниях дает основные темы этой бытовой женской лирики. Арина, старая нянька Любови Торцовой («Бедность — не порок»), со слезами причитает по поводу сватовства старика Коршунова: «Не ждали-то, матушки, не чаяли! — Налетел ястребом, как снег на голову, вырвал нашу лебедушку из стада лебединого, от бабюшки, от матушки, от родных, — от подружек. Не успели и опомниться!..» (действие III, явл. 1). Здесь искреннее чувство няньки оформляется образами, почерпнутыми из известной свадебной песни «Отставала лебедушка» и традиционных свадебных причетей; такая причеть, или «вой» матери о дочери-невесте, записана мною в Кинешемском районе в 1923 г.: «Болезное мое дитяtko, уж спалась ли тебе темна ноченька? Мне-то бедной не уснулося, нехороший сон мне свиделся: через нашу-то нову горницу, через мою-то ли светлу светлицу пролетало стадо лебединое, а второе-то гуси-

ное. Отставала-то лебедушка прочь от стада лебединого, приставала лебедушка к стаду серых гусей; не умела лебедушка по-гусиному кричать, стали гуси лебедушку рвать и щипать».

Наряду с искренними причитаниями встречается не мало причитаний ритуальных, предписываемых на различные случаи жизни. Так Феклуша («Гроза») очень интересуется именно таким причетом в связи с отъездом Тихона:

Феклуша. Надолго, милая, едет?

Глаша. Нет, не надолго.

Феклуша. Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть, аль нет?

Глаша. Уж не знаю, как тебе сказать.

Феклуша. Да она у вас воет — когда?

Глаша. Не слышать что-то.

Феклуша. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то! (Действие II, явл. 1).

Если Феклуша интересуется «вытьем» из побуждений эстетических, то Кабаниха считает вытье необходимым, например, при проводах мужа женой: «Ты вот похвалилась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет, лежит на крыльце; а тебе видно, ничего».

Катерина. Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить!

Кабанова. Хитрость-то невеликая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы, пример-то этот еделала; все-таки пристойнее... (Действие II, явл. 7).

Древняя обрядность привлекала Островского своей несомненной художественностью, но он поэтизировал её не из отвлеченно-эстетических соображений, а в целях контрастного противопоставления позднейшей обрядности, совершенно оторвавшейся от корня народной поэзии.

Кажущаяся простота древних обрядов, не исключавшая, однако, «страстей роковых» («Снегурочка»), противопоставлена также пошлости и самодурству, процветавшим в темном царстве.

Элементы обрядов введены Островским в пьесы тем же художественным приемом, что и народная песня, романс, т. е. не в целях внешнего украшения, а

как нечто безусловно необходимое в ходе драматического действия, подчиненное идейному замыслу драматурга. В «Снегурочке» обряды (на возрождение природы и пробуждение любви Снегурочки) являются образным выражением основной идеи сказки и выполняют композиционно-тематические замыслы автора. Следовательно, и обрядовый фольклор, собранный Островским отнюдь не из этнографических побуждений, превратился в руках великого драматурга в благодарный материал для создания его прекрасных произведений.

3. НАРОДНАЯ ДРАМА

Глубоко заинтересованный судьбами русского театра, Островский не мог не интересоваться его историей.

В драматургии Островского нашли своеобразное выражение три крупнейших этапа русского театрального действия — скоморошество, народная драма и начало нового театра. Мы это видим в пьесах «Бедность — не порок», «Воевода» («Сон на Волге») и «Комик XVII столетия».

В первой пьесе дана колоритная сценка ряженых с медведем. Комедия с участием медведя — одно из ранних и устойчивых проявлений народной драмы. Она осталась в наследство от времен первобытного скоморошества и, различным образом варьируясь, широко распространилась в народной массе, став любопытным зрелищем не только в деревне, но и в провинциальных городах.

В дремучих лесах верхнего Поволжья издавна процветал промысел медвежатников; недаром Некрасов упоминал о сергачском (б. Нижегородской губ.) вожаке медведя и создал замечательного «Генерала Топтыгина».

Обычно в состав труппы, сопровождавшей медведя, входили традиционные исполнители: вожак, ряженный, изображающий козу, мальчик-музыкант (чаще барабанщик или балалаечник). У Островского труппа несколько видоизменена. В качестве режиссера выступает старик, выполняющий роль певца и музыканта. После коротенького «продога», он запекает:

Как уж наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!

Они сукна ткнут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали —
Всем кафтаны першивали... (Действие II, явл. 6).

Очень любопытно, что Островский поручил старику спеть не традиционную скоморошью юмореску, а песню «фабричную», да еще с текстильной тематикой. Оправдано это, повидимому, тем, что медвежатники Поволжья, бродя по этому краю, соприкасались с песенным творчеством местных ткачей. А драматург мог познакомиться с последним и в Костроме, и в Кинешме.

Не входящий в труппу Егорушка пляшет с патокой под песню:

Ах, патока, патка,
Вареная, сладка!
Зима, зимушка, зима
Студена больно была!

Песенка эта, скомпанованная из двух, в первой своей части возникла из прибауток продавцов патоки, ходивших или ездивших, по примеру некрасовского дядюшки Якова, в Поволжье. Островский здесь и мог услышать эти прибаутки, как услышал, например, Салтыков-Щедрин, поместивший одну из них в своей «Пошехонской старине» (т. XII, стр. 199).

В то время, как вожак водит медведя, коза пляшет под песню старика:

Сам и по воду ходил,
Сам и кашу варил. (Действие II, явл. 6).
Как у нас-то козел
Что за умный был:

Песня эта записана самим Островским. Известный собиратель фольклора П. В. Шейн говорит, что она сообщена ему в 60-х годах... «вместе с другими ценными песнями самим незабвенным А. Н. Островским»¹. Возможно, что Островский записал ее в Поволжье, так как она также вошла в волжский сборник песен Вильбоа (№ 60, «плясовая»).

В 1866 г. в с. Мстере была издана Голышевым лубочная картинка, изображавшая сценку с участием мед-

¹ П. В. Шейн. Народная песня и Пушкин.—Ежемес. соч. 1900 г. № 5—6, стр. 93.

ведя. На ней приведен текст роли вожака, очевидно традиционно закрепленный. Некоторые строки этой роли тематически совпадают с репликами вожака в комедии Островского, но не представляют полного сходства. Так, например, текст лубочной картинки — «Ну-ка, вот ну, как старые старушки, молодые молодушки на барщину ходили, до дыр пяты сносили» — имеет у Островского иной вариант, в котором барщина не упоминается. Но в основном все же сходный текст песни и лубка указывает на то, что Островский брал материал непосредственно из фольклора, по всей вероятности местного, или, во всяком случае, традиционного и для Ивановской области.

Если сценка с медведем вкомпанована в пьесу «Бедность — не порок» только как мотив, то сцены «Воеводы» и по замыслу и по форме сложились из элементов фольклора. Именно сюда Островский помещает «Лодку», народную драму, которая играет интереснейшую роль в развитии действия всей пьесы.

Среди небогатого репертуара народных драм «Лодка» является одной из популярных. Она возникла как драматизация песни «Вниз по матушке по Волге». Исполнители изображают волжских разбойников с атаманом и есаулом во главе, садятся на пол в два ряда, как в лодке, и «едут» под песню «Вниз по матушке по Волге». Встречающиеся на пути предметы (чернедь, колода и т. д.) дают повод для сатирических реплик заостренно-социального характера; увидав на берегу богатую усадьбу помещика, пловцы громят ее.

Широко развернутый спектакль «Лодки» сливается с ходом действия «Воеводы». Композиционным приемом Островский включает этот спектакль в сон воеводы Нечая. По ремарке автора, воевода видит во сне: «Середина Волги, вдали берега. Является лодка, все приободряются, надевают шапки, берут весла, Бастрюков и Дубровин («атаман» и «есаул» — А. О.) встают на ноги». Бастрюков вместо «пролога» к игре произносит горячую похвалу Волге, кормилице поволжской вольницы:

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты нас пойшь, и кормишь, и лелеешь!
Челом тебе! Катись до синя-моря,
Крутым ярам да красным бережочкам
На утешенье, нам на погулянье!

Не даром слава про тебя ведется;
Не мало песен на Руси поется,
А всех милей: «По матушке, по Волге».

Воодушевляющий монолог, как предвестник расправы с воеводой, вызывает у гребцов любимую, широкую, раздольную песню, первой же строфой тематически гармонирующую с общим настроением.

Вниз по матушке, по Волге,
По широкой, славной, долгой,
Взбушевдалася погода
Немалая, волновья.

Текст этой стариннейшей и посейчас популярной песни впервые встречается в «Песеннике» 1780 г. Островский лишь незначительно отступил от общеизвестного варианта песни. Чтобы согласовать с ходом действия «Воеводы» и придать некоторый местный колорит, он ввел слова: «Легку лодочку косную, Макарьевску, разъездную».

Сцена разгрома помещика в традиционной «Лодке» заменена у Островского сценой увоза Марьи Власьевны из расписанного терема воеводы:

Вы берите красну девку
Во макарьевскую лодку,
Вы сажайте-ка, робята,
К атаману на колени.

Что касается персонажей «Лодки», то оказывается, что сами действующие лица «Воеводы» вовлечены в эту «игру», и таким образом «игра», потеха перешла в драматическое действие.

Интересен взгляд Островского на «разбойников». Он избег в их изображении обычной сусальности и театральности: он хотел взглянуть на них серьезно, в плане социальном, как на бытовое явление, как на борьбу бесправной массы с самоуправством воевод. Поэтому Островский высоко ценил значение такого активного элемента народного искусства, как драма, подобная «Лодке». Недаром в своей записке «Об устройстве русского национального театра в Москве» он говорил: «Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы».

4. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

В основе болезней, о которых говорят персонажи Островского, лежат почти исключительно симптомы и отчасти причины, которыми, по мнению персонажей, обусловлено происхождение болезней. Вследствие этого группирование болезней и их названия носят очень неопределенный характер, часто обнимая собою заболевания совершенно разнородные. Однако все же можно установить следующие группы: болезни от простуды, с натуги, с глазу, напускные, от беса. Именно такую классификацию мы находим в Верхнем Поволжье, где, по словам специалиста-исследователя, «в некоторых местах Ярославской губ. (Ростовского уезда) для болезней установлены совсем особого рода группировки... болезни бывают с простуды, натуги, привязные, напускные».¹

Из всех причин болезней наиболее ясной для персонажей Островского представляется простуда, главным образом в виде внешнего влияния. Необходимое условие болезни: испытать ощущение холода, «простыть». Самой распространенной болезнью от простуды считается лихорадка, которую называют кумохой (Ярославская, Владимирская губ.), знобихой, трясухой, трясовицей (Костромская губ.).

Берендей говорит:

До половины лета
Снега лежат в оврагах и лядинах,
Из них ползут туманы по утрам,
А к вечеру выходят злые сестры,
Трясучие и бледные кумохи
И шляются по деревням, ломая,
Знобя людей... («Снегурочка», действие II, явл. 2).

Характеристика «кумохи» в виде «сестер», «трясучих», «ломающих», «знобящих» позволяет утверждать, что Островский знал не только разновидности лихорадки, но и происхождение их названий, так как картинное

¹ Д-р медицины Г. Попов. Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографич. бюро В. Н. Тенишева, 1903, стр. 168.

описание, переданное Берендеем, корнями своими уходит в тот миф, который народная фантазия издавна разработала по отношению к лихорадке, ярко обнаруживая демонологическое происхождение этой болезни. Миф рассказывает, что лихорадка посылается на людей сатаной, имеющим в своем распоряжении 12 лихорадок, дочерей Ирода. Когда дочери Ирода пришли на могилу Иоанна Предтечи, внезапно раскрылась земля и поглотила их. С тех пор родовые дочери служат сатане, который посылает их мучить людей. Лихорадка-трясуха, заставляющая человека корчиться и дрожать, была в фантазии сближена с исступленной пляской Иродиады.

Персонификация болезни, особенно простуды, основывается на том, что простуда представляется как непосредственное вхождение холода в организм человека, где и совершается активное действие ее. Именно так определяет свое состояние Орест («Старый друг лучше новых двух»): «болезнь во мне: в ногах лом стоит»... (действие II, явл. 1.).

Впрочем такая персонификация связывается не только с «простудой», но и с болезненными состояниями, психически обусловленными. Дикой («Гроза») свое раздражение и гнев описывает как патологический процесс: «Потому только заикнись мне о деньгах, у меня всю внутреннюю разжигать станет» (действие III, явл. 2), Дуня Русакова («Не в свои сани не садись») тоже определяет свое сильное волнение патологически: «У меня так к сердцу подкатило, стало в глазах темнеть, темнеть...» (действие III, явл. 1.).

Болезни, причины которых необъяснимы, зачисляются в группу притч, приток, пошаток и пр. В таком случае неизвестность болезни очень тяготит пациента и требует какого-нибудь обозначения, названия, хотя бы и ничего не объясняющего, но от которого, как от установленного диагноза, больному как будто становится легче. Именно из такого своеобразного номенклатурного «табу» и возникают названия болезненных проявлений.

Ширялов («Семейная картина») рассказывает, как «на прошлой неделе притча сделалась: так схватило, что боже упаси. Испугался шибко, больно перепугался. Этак, сударыня ты моя, лом в ко-

стях сделался.. коробит, сударыня ты моя, да и на поди... А пуще, мать ты моя, поясницу схватило... отпустит этак немножко да опять схватит. Даже под сердце подкатило».

Как видим, перечисленные симптомы проявляют себя в организме заболевшего совершенно самостоятельно (схватило, коробит, отпустит, подкатило).

Сложнее — болезни напускные. Они передаются или «с глазу» (сглазить, изурочить), или пускаются по ветру из ненависти к заболевшему со стороны злых людей. В пьесе «Кузьма Минин» болезнь объясняется так:

1-я женщина. Поверь, что с глазу, больше ни с чего.

2-я женщина. А то испортил кто-нибудь. По ветру болезнь пускают злые люди часто. (Действие III, явл. 5).

Знал драматург и о деятелях такой медицины.

В пьесе «Не так живи, как хочется», действие которой относится к XVII веку, полноправно господствует колдун, к помощи которого обращается Петр: «Вот и кореньев мне дал... Горюч камень алатырь... Привороты все знает, пускает по ветру» (действие III, сц. 2, явл. 2). Колдун здесь рисуется так, как его представляло народное поверье: он действует с помощью нечистой силы, от которой берет запас всяческих зол, в частности, «злые травы», посеянные дьяволом для соблазна людей. Фигура такого носителя зла в пьесе Островского «Не так живи, как хочется» вполне гармонирует с общей идеей и тематикой пьесы, где всеми событиями и лицами руководит разгульная стихия, олицетворенная в масленице. Перечисляются и неотъемлемые атрибуты колдуна: горюч камень алатырь и таинственные коренья.

Действие кореньев покоится на вере в таинственные исцеляющие свойства деревьев и трав. Недаром издревле пользовались неприкосновенностью заповедные рощи вроде тех, в какую созывает свой народ Берендей («Снегурочка»). Таких заповедных рощ было много в Верхнем Поволжье, например, Белаевская (Макарьевский район), Дуниловская (Шуйский район).

Переходя из XVII века в XIX, Островский следит и за трансформированием колдуна в знахаря, т. е. «знающего», как отразить напущенные болезни (вера в напуск болезней все еще сохраняется) и располагающего в качестве медицинских средств такими «симпатиями», о которых он не хочет говорить вслух, отчасти

по причине их секретности, отчасти из-за состава, представляющего, повидимому, нечто особенно оригинальное. Такой знахаркой представлена Ненила Сидоровна в пьесе «В чужом пиру похмелье». Ставя диагноз, она уверенно говорит:

Подсыпали чего-нибудь. Это бывает.

Наст. Панкр. Уж я и сама так думаю.

Ненила Сидор. А вы вот что... не хорошо только говорить-то.

Наст. Панкр. Ничего.

Ненила Сидор. А сразу снимает (шепчет ей на ухо).

Наст. Панкр. Помогает?

Ненила Сидор. Помогает. То-то вот, хитры они, а хитрее их есть. На всякий приворот средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и от глазу, и от запую, и против бородавок у меня симпатия есть. (Действие II, явл. 2).

Даже когда в купеческие хоромы изредка вступает врач, вслед за ним через черный ход пробирается знахарь. Когда фабрикантский сынок опился, Феона говорит: «Гришу-то опять с фабрики привезли, матушка, только больного. Доктор ездит, да еще старичок-раскольник ходит, живых линей ему к подошвам подкладывает» («Не все коту масленица», сц. 2, явл. 1). Повидимому, этот старичок-раскольник из тех знахарей, которые лечили по рукописным «травникам», «зелейникам» и пр., во множестве списков распространявшимся с XII века. А может быть, здесь мы имеем некоторую вариацию народного средства от пьянства, по которому запойному предлагают выпить водки с пущенным туда живым щуренком; подкладывание к подошвам живых линей могло быть отнесено автором за счет индивидуальной изобретательности старичка-раскольника.

Что касается эмпирической медицины, то одним из самых стариннейших и излюбленных средств является баня. Еще в начальной летописи описывается, как древние славяне «хлещутся» в банях: «...разожгут их сильно, и разденутся и будут нагие и обливаются «мытлью»,¹ берут прутья зеленые и сами себя бьют и до того добьются, что едва живы вылезут; обольются водою студеною и оживут; так они делают все время, никем не мучимые, но сами себя мучают и это они делают себе мытье, а не мученье».²

¹ Квас усняный (мытль) — навар разных душистых трав.

² «Древнерусские летописи», изд. «Академия», 1936 г., стр. 9.

Аналогичное свидетельство мы имеем у Джильса Флетчера в его книге «О государстве русском» (XVI в.): «Русский человек, привыкнув к обеим крайностям, и к жару и к стуже, может переносить их гораздо легче, нежели иностранцы. Вы нередко увидите, как они (для подкрепления тела) выбегают из бань в мыле и, дымясь от жару, как поросенок на вертеле, кидаются нагие в реку, или окачиваются холодною водою, даже в самый сильный мороз».

Методика банного мытья дошла до времен Островского почти в неприкосновенности: только действие бани усиливают добавочными домашними «лекарствами» (чай, бальзам, водка):

Бальзаминава. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, после бани-то.

Матрена. Уж это на что лучше! По всем жилкам, по всем суставам пройдет... («За чем пойдешь...» карт. 1, явл. 1).

Из трав чаще всего прибегают к так называемому «девесилу», помогающему при самых разнообразных болезнях, потому что в нем «девять сил». В частности, при ранах прикладывают сушеные листья или пьют настой из него. На эффективное действие его указывает Старик раненому в бою («Кузьма Минин»):

Ты ослабел от ран и много крови
Ты истерял.. Произволением божьим
Растет трава, названьем Девесил,
Не даром ей прозвание такое,
В ком силы нет,—прибавит девять сил,
Настой её тебе на пользу будет,
Хлебни его.. (Действие V, сц. 2, явл. 4).

Еще более действенным оказывается удачное сочетание трав с водкой, этим универсальнейшим средством при всевозможных заболеваниях. Употребляется она чаще в чистом виде. Иногда в ней отваривается корень сарсапарилля, образуя своеобразный декокт или так называемый «декопий». О таком лекарстве, очевидно, и говорит Дерюгин в «Светит, да не греет»:

«Декоп — это первое дело. Я в третьем году расхворался с натуги, поднимал тяжело; так в городе фершал знакомый велел мне настоять этот декоп на вине, на простом; и чтобы по два стакана поутру, натошак, и на ночь... В нутре тогда очень мне облегчение было, и весь

я развязку получил, ваше превосходительство». (Действ. II, явл. 3.).

Если в народной фармакологии совершенно отсутствует дозировка, то, как общее правило, признается, что чем больше доза, чем чаще прием и чем крепче настой, тем скорее наступает выздоровление. Как видим, Дерюгин следовал именно этому правилу. Впрочем, «развязку» болезни он все-таки получил.

Приведенные факты обнаруживают детальное знакомство Островского с народной медициной. Из всей массы бытующих здесь методов и средств лечения драматург взял почти исключительно нелепое и уродливое. Сделано это в тематических целях: если в пьесах это иногда выглядит комически, то за внешним комизмом проглядывает безотрадная картина невежества того темного царства, где нелепая медицина особенно пышно расцветала и которое она превосходно характеризовала.

5. ПОСЛОВИЦЫ

Общеизвестно, что пословичность — одна из характернейших особенностей драматургии Островского. Третья часть пьес имеет пословично-поговорочные заглавия, а в тексте пьес насчитывается около 350 пословиц и поговорок; некоторые из них неоднократно повторяются. В каждой общественной группировке бытуют свои излюбленные пословицы, близкие к привычному строю мыслей в данной среде, красочно характеризующая её; попадая в ту или другую социальную среду, одна и та же пословица принимает иной смысловой оттенок. Огромная часть пословиц, встречаемых в пьесах Островского, бытовала в Поволжье.

В среде купечества пословицы употребляются как формулы моральных оценок и практической философии, закрепляющие дела и мысли, торговую деятельность и семейный уклад Тит Титычей.

Самсон Силыч Большов («Свои люди — сочтемся»), родоначальник самодуров, оценивает своих собратьев по торговле исключительно как мошенников: «Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет!» «Как закрепшишь на чужого-то дом-то, а он, пожалуй,

там и застрянет, как блоха на войне». «И богу-то угодить на чужой счет норовят». Порицая себя за излишнюю доверчивость к людям своего круга, Большов формулирует: «Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет». В семейных отношениях, пословично выражаемых Большовым, он характеризуется, как самодур: «мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю»; «знай сверчок свой шесток». Родственных чувств к детям у него нет, так как «гусь свинье не товарищ».

Гордей Торцов («Бедность — не порок») постоянно подчеркивает зависимое положение приказчика Мити: «Разве здесь твое место? Залетела ворона в высокие хоромы». Для купеческой среды пословица эта особенно характерна: недавно разбогатевший купец особенно презрительно смотрит на бедняка.

Чтобы удержаться в расписанных купидонами хоромах и не «сесть в яму»; нужно «знать край, да не падать». Опытного в мошенничестве купца обмануть не легко, так как, по словам Тит Титыча, «чорт Ваньку не обманет, Ванька сам слово знает» («В чужом пиру похмелье»).

Итоговой чертой являются пословицы Любима Торцова, выражающие его критическое отношение к темному царству (с этим согласен и Островский): «дуракам богатство—зло», зато «бедность—не порок» и лучше быть подальше от темного царства, так как «не трись подле сажи — сам замараешься».

Облик женских персонажей этой среды не менее ярко вырисовывается сквозь произносимые ими пословицы. Степанида Пузатова («Семейная картина») рекомендует: «я и сама от семи собак отгрызусь»; ей вторит сноха: «не родился тот человек на свет, чтобы меня молчать заставил». Степанида знает, чем держится купечество: «не помимо пословица-то говорится: «не обмануть — не продать». И именно женщины чрезвычайно радуются неожиданному получению денег: и купчиха Фетинья, и сваха по купечеству Карповна, и Матрена — все с удовольствием вспоминают пословицу: «не было ни гроша, да вдруг алтын». Наоборот, утрата денег из-за неосмотрительности оценивается унылой пословицей: «да вот теперь хватъ-похватъ, ан дыра в горсти. И близко локоть-то, да не укусишь» («Семейная картина»).

Этически сомнительные факты купчихи оправдывают пословичной философией, толкуемой в свою пользу: «грех сладок, а человек падок» («Сердце — не камень»), а Мавра Тарасовна, предавшая забвенью свои увлечения молодости, успокоенно думает, что «правда — хорошо, а счастье лучше».

Свой купеческий круг от вторжения посторонних купчихи оберегают так же ревниво, как и их мужья. Степанида, предупреждая против «благородного» жениха, «тогда самой-то говорила: «Эх, Максимовна, не садись, мол, не в свои сани», потому что люди своего круга крепко спаяны. Пионова напоминает: «вы знаете русскую пословицу: «свои собаки грызутся, чужая не приставай».

Так купечество, беря общераспространенную пословицу, окрашивает ее в оттенки своей идеологии и быта.

В речи мещанства, выводимого Островским, пословица играет значительную роль. Симпатии автора на стороне большинства мужских персонажей из этой среды. Мы встречаем тут протестантов, иронических скептиков, чудаковатых простаков.

Дубровин (по ремарке автора «беглый посадский»), преследуемый воеводой Нечаем, убегает в лес, так как ему «не клином свет сошелся» («Воевода», действие I, явл. 2), он знает, что борьбу с воеводой надо вести массой, потому что «один — не ратник в поле, и дерево одно — не темный лес» («Воевода», I-я ред., пролог, явл. 7).

Речь чудаковатого простачка Елеси («Не было ни гроша...») как будто сплошь соткана из пословиц. Философское равнодушие Елеси ко всяким житейским невзгодам выражает произносимая им русская пословица: «от сумы да от тюрьмы не отказывайся». У него нет особенных требований к жизни, он считает, что «не так живи, как хочется, а как люди приказывают». Он знает, что остеречься от греха невозможно, ибо «на грех мастера нет». А «грех» может поставить человека в невыгодные условия, или, как говорит Елесь, «быть бычку на веревочке». Елесь непрочь разбогатеть, как и окружающие, но это очень трудно: «видит кошка молоко, да рыло коротко». Впрочем, он не столько любит деньги, сколько чувствует к ним уваженье, ибо «денежка-то

без ног, а весь свет обойдет». Бедность заставляет Елесю ценить каждую копейку: «нам теперь с вами какой-нибудь двугривенный дорожке каменного моста». Но и этот двугривенный Елеся тратит не на себя, так как не корыстолюбив, да и вообще он к себе невнимателен, даже к своей наружности, и на упреки за неумытость отвечает: «да ведь сколько ни умывайся, белей воды не будешь; медведь и не умывается, да здоров живет». Будучи своеобразным оптимистическим фаталистом, Елеся верит в поговорку: «не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив». И автор как бы награждает не умного, не пригожего, но счастливого Елесю: нуждавшийся в двугривенном, он находит большие деньги и с правом может теперь сказать: «не было ни гроша, да вдруг алтын».

В противоположность мужчинам, женские персонажи из мещанской среды рисуются Островским, преимущественно, в отрицательных чертах.

Здесь — своеобразные взгляды на жизнь, на человеческие отношения. Здесь верят не в свои силы, а в счастье, которое дается часто людям, обиженным природой.

Бальзаминова утешает сына: «ты, Миша, не обижайся. Пословица-то говорит, что «дуракам счастье» («За чем пойдешь...») Счастье это равнозначно материальному достатку, какими бы способами оно ни было приобретено; к нему нужно стремиться, как Полина, оправдывающая своего мужа-взяточника: «рыба ищет где глубже, а человек где лучше». («Доходное место»). В этой среде нужно жить неписанными законами и обычаями: «с волками жить, по-волчьи выть» («Поздняя любовь»). Общей же и главной заботой должно быть стремление «на грош пятаков купить» («В чужом пиру похмелье») или сорвать «с паршивой собаки хоть шерсти клок» (там же).

Особенно типичны здесь свахи. В зависимости от практики в той или иной среде, они приобретают известную специализацию, район деятельности, методы и даже некоторые стилистические особенности речи, как основного орудия своего ремесла.

Сваха по мещанству Красавина, рисуя типичный портрет, говорит: «Уж, кажется, нашу сестру из тысячи выберешь. Видна сова по полету» («Праздничный сон

— до обеда»). О методах своего ремесла она («Женитьба Бальзамина») отзывается так: «Знаешь русскую поговорку — «у всякого плута свой расчет». Она не смущается неприятностями, связанными с ее профессией: «брань на восток не виснет» и предпочитает стремительную тактику: «куй железо, пока горячо», тем более, что настойчивое стремление награждается успехом: «за чем пойдешь, то и найдешь». Этому верят и Бальзамина, и ее сынок, который, действительно, находит себе невесту; случилось это потому, что, по словам Красавиной, «на ловца и зверь бежит». «Ловцы» и «звери» в этой среде бегут навстречу друг другу, потому что Красавина подбирает подходящие пары. «Уж ты не взыщи, всё будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан».

Ненавидящий чиновничество, Островский всегда обращает смысл поговорок, произносимых чиновниками, в отрицательную сторону, подчеркивая этим характеристику персонажа.

Крупные чиновники — властолюбцы и соперники: «двум медведям не жить в одной берлоге» («Воевода», пролог, 4); занимающие середину чиновничьей лестницы, вроде Юсова, более осторожны во взятках и казнокрадстве. Юсов со злобой говорит о Жадове, осуждающем взяточников: «высоко летает, да где-то сядет» («Доходное место»); взятки надо брать понемногу, но систематически: «курочка по зернышку клюет, да сыта бывает» (там же). С клиентами нужно жить «по закону; живи так, чтобы и волки были сыты и овцы целы»; подарки принимать, не брезгуя, ибо «даровому коню в зубы не смотрят» («Бедная невеста»), но строго наблюдать, «чтобы мне от каждого дела щетинка была» («Горячее сердце»).

Крестьян, произносящих поговорки, сравнительно немного, да и пьес с крестьянской тематикой у Островского мало. Этими поговорками произносятся и самохарактеристики и определяются социальные отношения крестьянства.

Если Карп («Лес») простодушно признается в своей темноте: «живем в лесу, молимся пенью, да и то с ленью», то хитрый Павлин маскируется этой отсталостью: «я живу с краю, ничего не знаю» («К. Минин»). Крепостное состояние, крестьянское разорение, невро-

жай заставляют Степана («Не в свои сани...») грустно констатировать, что «хлеб-то в поле, так не глядели б глаза мои: колос от колоса — не слышать девичьего голоса». Зависимое положение вынуждает «по одежке протягивать ножки», но и при этом люди сохраняют человеческое достоинство: «известно, мы не хозяева, лыком шитая мелкота; а и в нас тоже душа, а не пар!» («Свои люди — сочтемся»).

Накопление пословичного фонда у Островского простекало из его личных наблюдений и знакомства с говором, характерным для той или иной общественной группы, а также и из книжных источников.

Среда «русаков» в Печкинской кофейне, жизнь в Замоскворечьи, экспедиции по Волге, Щелыково — обширнейший источник. С другой стороны, в те годы имелись уже многочисленные собрания русских пословиц; несомненно, с некоторыми из этих собраний драматург был знаком.

Мы имеем убедительное свидетельство внимательно-го, критического отношения Островского к книжному источнику. Среди книг щелыковской библиотеки Островского многие имеют пометки драматурга. Например, во втором томе журнала «Библиотека для чтения» за 1834 г. Островского особенно заинтересовала статья И. Снегирева «Местные пословицы русского мира» (стр. 100), о чем можно судить по сделанным драматургом пометкам. Так, на стр. 101 против слов: «Но когда Изяслав разбил его (Игоря), тогда вошло на Руси в поговорку — «Сверчок Тмутаракань победил» — пометка карандашом: «Такой нет пословицы». Против строки «Кто против бога и великого Новагорода?» карандашом пометка на полях: «не пословица». Около фразы «Патрикей сам третей» пометка — «невероятно». Объяснение поговорки «на неделе семь пятниц» имеет оценку Островского: «Вздор». Во фразе «Нерехтский бегун» говорится о нерехтских мещанах, которые «переходят из одного села в другое с безменом для покупки пряжи» — слово «бегун» подчеркнуто, а после слова «пряжи» указание на сноску, где написано: «Вздор. Бегуны — раскольническая секта в Нерехтск. уезде и Ярослав.».

Пометки эти несомненно доказывают не только знакомство Островского с трудами собирателей фольклора,

в частности пословиц, но и критическое отношение к ним, основанное, конечно, не на безотчетном диллетантстве, а на добросовестном изучении народного творчества.

Разумеется, пословицы привлекали Островского не как этнографа-собираателя. Он знал, что в них выражено мышление массы, которая издавна прессовала наблюдения над своим жизненным опытом в сжатые поучения для руководства в различных случаях жизни. Знал он, что пословицы поэтому представляют собою отвердевшее мировосприятие определенной среды на известном историческом этапе. Естественно, что драматург обратился к этому богатейшему материалу, как к неблёкшим краскам для своих образов.

6. ФОЛЬКЛОРНОСТЬ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ

В драме мы имеем дело с «прямой» речью, не оставляющей (за исключением ремарок) места для авторской «косвенной» речи.

Но эта «прямая» речь — только условность. Писатель должен предварительно знать или собрать лексический материал в той среде, к которой принадлежат прототипы проектируемых им действующих лиц. Этого мало: имея материал, нужно, во-первых, отбросить все лишнее, отобрать только необходимое и положить более яркую краску на замутненные, полустершиеся языковые факты; во-вторых, на основе знания социальных диалектов, персонально распределить языковой материал между героями, представляющими различные общественные прослойки; наконец, использовать слово в качестве существеннейших приемов драматического действия и характеристики, с учетом требований сценической интерпретации.

Если созданный таким образом словесный костюм приходится персонажу впору, мы имеем художественную иллюзорность «прямой» речи. А обычно, текстуально не декларируемый, идейный замысел драматурга, приведший к этой иллюзорности, представляет невидимый авторский подтекст, «косвенную» речь, сквозящую между строк, при помощи которой автор, выражая свое отношение к персонажам, стремится внушить его и зрителю.

лям, чтобы склонить их к желательным ему идейно-моральным выводам.

В драматургии всегда, а у Островского в первую очередь, мы имеем дело со стилизацией речи. В данном случае нас больше всего интересует вопрос: из каких источников черпал драматург лексический материал и как пользовался им, иначе — какой степени художественного правдоподобия достиг он в своей стилизаторской работе.

Первый и основной источник — прямое наблюдение над живой речью среды, окружавшей Островского. Нужно вспомнить костромича-отца, несомненно имевшего в обиходном лексиконе костромские провинциализмы. В детстве и юности драматург находился под влиянием костромского говора; недаром он неоднократно подчеркивал: «говор наш костромской», «наш костромич» и т. п. В Замоскворечьи он столкнулся с тем «окраинным» языком большого города, который слагается из диалектного разноречия прибывших сюда отовсюду носителей различного языкового строя.

Во время литературной экспедиции 1856 г. по верховьям Волги Островский включил в программу своих наблюдений составление «Опыта Волжского словаря», т. е. (как он сам расшифровывает этот заголовок) «собрание слов, употребляемых на Волге и притоках ее, относительно: дна, берегов, заливов и проч., относительно судоходства, судостроения, рыболовства и других речных и береговых промыслов». Работу эту делал он очень охотно и высоко ценил.

В Торжке винный пристав Развадовский рекомендовался драматургу так: «честь имею представиться — человек с большими усами и малыми способностями», и эта фраза вошла в рекомендацию Паратова («Бесприданница», действие II, явл. 9). Здесь же Островский записывает фразу нищего: «Почтеннейший. Хоть на мне и синь кафтан, но кто имеет чувствие — тот подаст» (Дневник, стр. 206).

Впрочем, говор этот не понравился Островскому. В дневнике он отмечает: «На дороге только я убедился, до какого безобразия доходит новоторжский язык». В Калязине записано: «Старался развлечься, два дня ездил за город, но и это не помогло. Поездка за город была, впрочем, не без пользы, узнал устройство барки

и название каждой ее части». (Дневник, стр. 34). В своем описании «Путешествия по Волге от истоков до Нижнего-Новгорода» Островский приводит богатую терминологию касательно лодок: он различает глиновку, ржевку, черную или огибезную вышневолоцкую, посудину, вязку, новоторку, тихвинку, соминку, челнок, а на них — дерево (мачта), губу (руль), потеси (весла), полати (помост), волк (крытый нос лодки).

Но интересовал Островского не только технический волжский словарь. Он всегда старался отыскать людей. Очень удивился Островский искаженности языка, когда на вопрос о безлюдной деревне, услышал такой ответ: «которые ушли у каматасы, а которые дорогу циня». А рядом — еще образец, записанный в дневнике: «В Пуциже была, в Казунках была, а цище нашего Васильевского языка нетути».

Однако, Островского привлекала красочность народного языка Поволжья; в «Бесприданнице» мы встречаем в этом отношении любопытную сценку:

Паратов. Тетенька, у всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой свиной хрящик.

Огудалова. Ах, проказник! Откуда вы столько поговорок знаете?

Паратов. С бурлаками водился, тетенька, так русскому языку выучишься. (Действие II, явл. 9).

Обогащая свой словарь бытующими речениями, Островский уделял большое внимание и лингвистической литературе.

В той части библиотеки А. Н. Островского, что была в Щелькове, есть журнал «Библиотека для чтения» (1848 г., № 9), в котором на стр. 113—142 помещена статья С. Гуляева «Этнографический очерк южной Сибири». Статья эта заинтересовала драматурга, и в словаре, приведенном её автором, он отметил 71 слово. Из них многие несомненно были знакомы Островскому, так как бытовали в Кинешемском районе и использованы в его трудах; очевидно, Островского интересовала географическая распространенность народной лексики. Другая часть слов имела в Поволжье, повидимому, иную значимость; так, например, сибирскому слову «бастрыг» Островским приведена местная параллель: «гнет».

Так как почти половина всех пьес Островского написана на купеческую тематику и купеческий язык

драматургом доведен до предела выразительности, то он представляет более значительный интерес.

Фонетический рисунок речи купеческих персонажей почти бесследно стерт на письме; остались лишь редкие и случайные знаки очень экзотической вокальной симфонии купеческого диалекта. На это отчасти намекают своим необычным звучанием имена и фамилии персонажей: Парамон Ферапонтыч, Павлин Устрашимов, Тигрий Львович, Истукарий Лупыч, Серапион Мардарыч и многие другие. Неудивительно, что Лидия («Бешеные деньги») спрашивает Телятева, назвавшего Василькова Саввой Геннадичем: «Какое имя! Он иностранец?»; а ее мать Надежда Антоновна наивно осведомляется у самого Василькова: «судя по вашему имени, вы в Греции родились?», на что получает ответ: «Нет, я в России, недалеко от Волги». По словам Телятева, Васильков — из Чухломы, т. е. из района с окающим говором, что Островский и подтверждает специальной ремаркой в списке действующих лиц: «Савва Геннадич Васильков — провинциал, лет 35. Говорит слегка на «о», употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги». Ремарка очень точна: Васильков говорит лишь «слегка на «о», потому что он «житель городов среднего течения Волги», тогда как на его родине, в Чухломе, оканье выражено очень ясно» («север строит губы кувшином» — метко характеризует оканье Даль («Словарь»).

В «Семейной картине» орфографически закрепленными оказались несколько явлений из произношения согласных: в восклицании Марьи Антоновны «Ах, страм какой!» наблюдается очень типичная для Владимирско-Поволжской группы говоров вставка согласного (ср. «отстрочка»), а в реплике Ширялова «этот народ, Антип Антипыч, соблаз просто» — курсив Островского, подчеркивающий выпадение в слове «соблазн» конечного «н», — явление также типичное для указанной говорной группы.

По всем пьесам в изобилии рассыпаны случаи фонетического искажения слов иностранного происхождения, что является типичнейшим фактом для купеческого говора, пестрящего такими словечками, как: михстура, каранболь, стракулист, антиресно, пунштик и др.

Морфологическое своеобразие речи многих персона-

жей также типично для Владимиро-Поволжской группы диалектов. Бедонегова («Богатые невесты») уверяет, что от нее «своих подлостей не скроете», а Ширялов («Семейная картина») знакомит с тем, какое он «средствие избрал» для лечения. Особенно охотно здесь пользуются наречиями и деепричастиями, по-своему их произнося и семантически нагружая. Если такие слова, как — таскамшись, теперича, завсегда, не токма, окромя, оченко, неужто — являются типичными трафаретами, то не менее часто наречиями пользуются для заполнения словесных пустот, происходящих от бедности словаря и синтаксической беспомощности. Антип Антипыч Пузатов, например, так характеризует свою супругу: «А она то у меня таки-тово... То-есть я... насчет телесного сложения. Ну, и все такое» («Семейная картина»). Липочка, у которой «рябит меланхолия в глазах», несмотря на то, что она, танцуя, «упаточилась, словно воз везла», строит свою речь преимущественно на наречиях: «Что может быть восхитительнее?... сидишь, натурально, вся в цветах... Ах, оча-ро-ва-тель-но! Это, просто, уму непостижимо... Одно убийственно, что сабли нет... Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее!.. если улан, али полковник какой разрисовывает — чудо. Любоваться мило-дорого!.. просто ничего не увидишь любопытнее... формально нет никакой трудности выучиться!..» («Свои люди — сочтемся». Действие I, явл. 1).

Наиболее интересной в купеческом языке является, безусловно, лексика. Бедность купеческого словаря была очевидна и самим обитателям «темного царства», поэтому они восполняют ее или переосмыслением общераспространенных слов, или привлечением провинциализмов. Из этого они создают свою фразеологию и «крылатые слова», насыщенные своеобразной выразительностью, колоритностью и юмором.

Особенно распространены и многообразны синонимы в коммерческом быту. Пузатов хвастает, что и «сам, коли где трафится, так не хуже его мину-то подведу». Большов («Свои люди — сочтемся») слово «трафится» заменяет своим: «коли рука подойдет». Если «мину подвести» означает крупное надувательство, то незначительное мошенничество характеризуется выражением Пузатова «помазать ма-нененько»; обман среднего масштаба расценивается иначе: Пузатов «не-

давно немца Карла Иваныча рубликов на триста по-трел».

Поведение таких «негоциантов» тоже нашло отражение в языке. Подхалюзин, говоря о своих замыслах против Большова: «он свою политику ведет, а ты свою статью гони», — в подчеркнутых фразеологических речениях тонко чувствует масштабы мошенничества. Последовательность в мошеннической коммерции определяется выражением «вертеться на этой линии», или «попасть на зарубку», осторожность — «ходить в аккурате», ловко обмануть «так что пальца не подсунешь».

Андрей Брусков, по купеческой традиции ненавидящий чиновников — «стряцких», убежден, что «дал ему целковый, или там больше, глядя по делу, да подпоил, так он хоть спирю плясать пойдет». («В чужом пиру похмелье»). Выражение «спирю плясать» коренится в старинном обычае на Спиридона-солноворота (12 декабря ст. ст.) «Спиридона ходить, плясать под песню: Спиря, Спиря, Спиридон!» (Даль, Словарь, т. IV, 440). «Спиридонами-поворотами» назывались в Поволожье беспаспортные люмпенпролетарии, часто добывавшие свой горький кусок хлеба фиглярством в трактирах и на постоянных дворах. (Ср. очерк Лескова «Спиридоны-повороты»).

Иногда Островский в перечне действующих лиц дает специальную речевую характеристику, например, Василькова, указывая, что тот говорит: «когда же нет — вместо да; ни, боже мой, — вместо отрицания; шабер вместо сосед, и оправдывает эту характеристику в тексте пьесы:

Телятев. Позвольте вам представить моего друга, Савву Геннадича Василькова (Лидия кланяется). Он бывал в Лондоне, в Константинополе, в Тетюшах, в Казани, говорит, что видел красавиц, но подобных вам никогда.

Васильков. Да перестаньте же. Я конфужусь.

Лидия. Вы знаете в Казани мадам Чурило-Пленкову?

Васильков. Когда же нет.

Лидия. Она, говорят, разошлась с мужем?

Васильков. Ни, боже мой!

Лидия. Подворотникова знаете?

Васильков. Он мой шабер. (Лидия взглядывает на Телятева. Несколько времени молчания. Васильков, конфузясь, отходит).

Лидия. На каком он языке говорит?

Телятев. Он очень долго был в плену у ташкентцев. («Бешеные деньги», действие I, явл. 4).

Дикой — волжанин (в «Грозе»), говоря Борису: «Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал!» — вероятно употреблял это речение не только в метафорическом смысле. Он повидимому мысленно представлял себе и приволжский щепной промысел, в частности, «оболванивание баклуш», которым раньше занимались преимущественно в б. Семеновском уезде, Нижегородской губернии, о чем подробно рассказывает в своих «Крылатых словах» С. В. Максимов.

Язык мещанства занимает меньше места в тексте пьес Островского, но своей характеристической выразительностью не менее ярок, чем купеческий. Впрочем, многие источники того и другого языка общи, как приблизительно одинаков культурный уровень того и другого социального слоя.

Склонность к заимствованию у дворянства иностранных слов, своеобразно искажаемых и переосмысливаемых, хорошо отражена в разговоре Бальзаминовой с сыном:

Бальзаминова. Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские, я их много знаю; ты бы хоть их заучил когда, на досуге. Послушаешь иногда на именинах или где на свадьбе, как молодые кавалеры с барышнями разговаривают, — просто прелесть слушать.

Бальзаминов. Какие же это слова, маменька? Ведь как знать, может быть, они мне и на пользу пойдут.

Бальзаминова. Разумеется, на пользу. Вот слушай. Ты все говоришь: «я гулять пойду». Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «я хочу проминаж сделать!».

Бальзаминов. Да-с, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминаж лучше.

Бальзаминова. Про кого дурно говорят, это — мараль.

Бальзаминов. Это я знаю-с.

Бальзаминова. Коль человек или вещь какая-нибудь не стоит внимания, ничтожная какая-нибудь, как про нее сказать? Дрян! Это как-то неловко. Лучше сказать по-французски: «гольтепа».

Бальзаминов. Гольтепа. Да, это хорошо.

Бальзаминова. А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют, — это «асаже» называется.

Бальзаминов. Я этого, маменька, не знал, а это слово хорошее. Асаже, асаже... («Свои собаки грызутся, чужая не приставай». Карт. 1, явл. 6).

Необычайно колоритен язык свах, профессия которых определяет их словесную изощренность. Сваха Кра-

савина гордится своим остроумием, включая его в качестве характерной черты в свой портрет: у нее «ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором». Впрочем, из своего горького опыта она убеждается, что несмотря на красноречие, трудно иногда получить обещанный гонорар за сватовство, поэтому остается лишь иронизировать: «Так смотри же, французский (платок подари.—А. О.). А то ты подарить, пожалуй, платок-то по нетовой земле пустыми цветами» («Праздничный сон — до обеда»). Слово «земля» она здесь употребляет в значении термина набойщиков-текстильщиков (первой половины XIX века), называвших так часть материи, не окрашенной яркими, крупными цветами; «нетовая земля» и «пустые цветы» означало вообще отсутствие платка.

Крестьянство в пьесах Островского — это в большинстве случаев городские жители, выходцы из деревни: домашние работницы, «мальчишки» в купеческих домах, дворники. Они, конечно, сохраняют крестьянский лексикон, но обновляют его и из городского говора.

Горничная Дуня говорит: «Придет, бывало, пьяный да олаберный — так как обеснувший какой» («Бедная невеста»). Первое словечко этой реплики могла она услышать в костромской деревне. Даль (Словарь, т. I, стр. 24) дает толкование «алабор или алабарь» в смысле «бестолковый» именно для этой местности. Горничная Дарья («Семейная картина») тоже, повидимому, из Поволжья: для ее выражения «не то, чтобы что, либо — ошто» можно у Даля (Словарь, т. II, стр. 2021) найти толкование с указанием на географическое распространение — «нижегородско-ардатовское».

В пьесе «На бойком месте» действие происходит в Кинешемском районе, так как Островский описывает известный там ему постоянный двор. Неудивительно поэтому, что дворник Жук произносит типичное для этого края выражение: «проезжие позываются» в смысле «просятся». Любопытен диалог из «Воеводы» (д. IV, явл. 1):

Курчай. А снет какой — речной или озерной?

Старуха. К нам галицкий идет, не белозерской.

Старуха в данном случае обнаруживает не только точные познания в ихтиологии, так как, по объяснению

Даля, «снеток, снет и сняток рыбка вандыш, ловимая в Белоозере, и других» (Словарь, т. IV, стр. 318), но и поволжский патриотизм, с гордостью говоря о «снетке галицком», т. е. из Галицкого озера.

Каламбуров крестьянских хотя и мало, но они яркие и интересны. Особенно естественны они в устах пересмешников типа Еремки из пьесы «Не так живи, как хочется». Еремка рекомендует себя: «из старых нищих молодой обморок». Даль для слова «обмор, обморок» нашел толкование в Поволжье, в Ярославском крае, где это слово синонимично «Знахарю, чернокнижнику, проказнику, шалуну, повесе, чудодею» (Словарь, т. II, стр. 1547), т. е. вполне подходящее к смысловой нагрузке, придаваемой этому слову и Островским.

В реплике Потапыча («Воспитанница»): «Взять бы орясину после дяди Герасима, да с хазового-то конца и начать охаживать» (действ. IV, явл. 5) любопытно словечко «хазовый». Даль объясняет: «хазовый конец ткани (персидское), заток, который делается почище, и этот конец оставляется сверху, на-показ». (Словарь, т. IV, стр. 1162). У Некрасова («Кому на Руси жить хорошо») приволжский торговец «горазд орать, баясничать, гнилой товар показывать с хазового конца». Повидимому, это слово (персидское — по Далю, татарское — по Михельсону) бытовало в Поволжье, особенно, вероятно, на Нижегородской ярмарке, куда съезжались и персидские, и татарские купцы; здесь и мог Островский его услышать. Впрочем, может быть, этот каламбур переосмыслен Потапычем как-нибудь более натуралистически, имея в виду, что он является ответом на замечание Гавриловны про Гришу: «он теперь завалится на сено, да дня четыре на брюхе пролежит».

Очень характерным является язык чиновников, к которым Островский питал самые неприязненные чувства.

Большинство чиновников у Островского — семинаристы или выходцы из духовного сословия, т. е. воспитанные в атмосфере славянской речи. Родственники драматурга принадлежали к этой среде: дед был протоиереем Костромского собора, а впоследствии монахом Донского монастыря, отец — учился в духовной академии, мать — дочь московской просвирни. Поэтому с семинарско-славянским языком Островский был близко знаком, что

доказывается прекрасной стилизацией речи того или иного персонажа из чиновничества. Недаром эти персонажи носят яркую литературную маску в виде фамилий: Рисположенский, Неглигентов, Беневоленский, Добротворский.

Изгнанный со службы чиновник Рисположенский, находящийся пропитание около купечества, униженно заявляет о своей готовности не жалеть себя для «благодетеля»: «С женой и с детьми в кабалу пойду» («Свои люди — сочтемся»). Конечно, это — только риторическая фраза, хотя, по замечанию Даля, «по Волге, срочная кабала водится доньше (середина XIX в. — А. О.), но бывает только на-слово, с заручением свидетелей» (Словарь, т. II, стр. 166), так что в устах «юриста» Рисположенского эта фраза могла иметь и прямое значение. Неглигентов («Воспитанница») «...рассчитывает, сколько доходов будет получать в суде, или холтуры...». Очевидно под «холтурой» Островский понимал, как и Даль, «поживу, даровую еду, питье, что кому-либо досталось при угощении; от «халтуры», западное и южное искаженное «хавтуры» (ховать) — похороны, поминки» (Словарь, т. IV, стр. 1163), т. е. словечко, идущее из той же среды духовенства.

Чиновничество очень охотно прибегает к изъяснениям в письменной форме. Недоучившиеся семинаристы, усевшиеся за канцелярские столы, приносили с собой стиль тяжеловесной «славенщизны». В канцеляриях издавна культивировался завещанный от московских приказных дьяков возвышенно-славянский стиль, обильно приправленный доморощенной терминологией. «Слог» этот восхищал чиновников, многим из которых канцелярская письменность заменяла художественную литературу; недаром Молчалин ставил в образец слог Фомы Фомича, а Акакий Акакиевич Башмачкин дома переписывал бумаги «для собственного удовольствия».

Доброжелательно настроенный Платон Добротворский, старый уездный чиновник, простодушно старается устроить бедную невесту, подыскав ей жениха из чиновников. Об этом он сообщает письмом, в котором сквозь твердо усвоенные на долгой службе канцелярские обороты речи просвечивают добродушие и наивность:

«Ваше Высокоблагородие, милостивая государыня, Анна Петровна! Честь имею вас уведомить, что все по-

ручения ваши я исполнил в точности и с удовольствием, и впредь прошу вас таковые возлагать на меня. При сем посылаю вам ведомости вчерашнего числа. На счет того пункта, о котором вы меня просили, я в названном вами присутственном месте был: холостых чиновников для Марьи Андреевны достойных нет; есть один; но я сомневаюсь, чтобы оный вам понравился, ибо очень велик ростом — весьма много больше обыкновенного и рябой... Но, по справкам моим от секретаря и прочих его сослуживцев, оказался нравственности хорошей и непьющий, что, как мне известно, вам весьма желательно. Не прикажете ли посмотреть в других присутственных местах, что и будет мною исполнено с величайшим удовольствием. Остаюсь, всегда готовый к услугам. Платон Добротворский» («Бедная невеста»).

Так выбирал драматург языковой материал и мастерски стилизовал его, отчего получалась иллюзия живой жизни, реалистическое отражение быта многих прослоек тогдашнего русского общества. Эту народность хорошо понимал Л. Толстой, говоря Островскому в письме: «Цель наша издавать то, что доступно, понятно, нужно всем, а не маленькому кружку людей. Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям. Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть, — несомненно общенародным в самом широком смысле писателем».¹

* * *

Драматург любил Волгу.

В его памяти вставали картины величественного героического прошлого, исторических событий, разыгравшихся на берегах великой русской реки. Поволжье — через Балахну, Юрьевец, Кинешму, Кострому, Ярославль — двигалось ополчение во главе с нижегородцем Кузьмой Мининым освобождать русскую землю от врагов. Глубокая любовь к своей родине и побудила Островского взять именно эти эпизоды в качестве сюжетов для своих исторических пьес.

Действия «Кузьмы Минина» обставлены верным

¹ А. Н. Островский. Дневники и письма. М.—Л. 1937, стр. 8.

волжским колоритом, вплоть до мелочей. Островский знает, что у Григория Петровича Лапши, крестьянина из Решмы, предводителя восстания на Волге, «зипун решемский, с оторочкой»; знает, что волжские города пострадали от захватчиков:

Вот Кинешма, и Лух, и Балахна,
И Юрьевец омылся в крови.

Знает точный маршрут ополчения:

... по нашей стороне,
Нагорным берегом пойдут по Волге,
На Балахну, на Юрьевец, на Решму.

(Действие V, сд. 2, явл. 1).

А позднее та же Волга стала местом действия значительной части пьес Островского. Разве небольшие домики с узорными окошками, тяжелая мебель, сундуки с приданым, трактиры-сады на берегу Волги — разве это не старые Кинешма, Тутаев, Романов, Кострома? Разве город Калинов («Гроза», «Горячее сердце», «Лес», «На бойком месте») не приволжский городок Ивановской области? Разве Кабаниха и Тит Титычи не образы поволжских купцов? Разве, наконец, яркость словесного рисунка, меткие и живые обороты речи в своей грубоватой остроте не звучат оттенками волжского говора?

В пьесах Островского действуют купцы, дворяне, чиновники, крестьяне, интеллигенция. Обильно черпая фольклор из родного Поволжья, драматург видел сквозь него быт, нравы, язык, искусство русского общества середины минувшего столетия. Фольклорный материал, являясь для Островского предметом глубокого эстетического наслаждения и источником душевной расстроганности и радостной гордости за талантливость своего народа, входил в пьесы не иначе, как творчески переработанный автором.

Поэтому местное расширилось до общего, типичные характеры даны в типических обстоятельствах; и это обеспечило пьесам характер народности, а драматургу славу замечательного художника-реалиста.

У Островского было твердое убеждение, что фольклор является необходимым и ценнейшим материалом для русского писателя. Этот материал составляет актив

ный жизненный элемент русского народа и представляет огромное поэтическое сокровище, открытое для всех, кто сумеет творчески к нему прикоснуться.

Своим творчеством Островский оправдал то определение, которое он сам дал народному писателю: «для того, чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине, любовь дает только энергию, чувство, а содержания не дает, надобно еще знать хорошо свой народ, сойтись с ним покороче, сродниться. Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение ее в художественных формах — самое лучшее поприще для творческой деятельности».¹

---

¹ А. Н. Островский. Заметка о Диккенсе. — Соч. т. X, стр. 577.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. Народная песня и романс	5 .
2. Народные обряды	18
3. Народная драма	26
4. Народная медицина	30
5. Пословицы	35
6. Фольклорность речи персонажей	41

Редактор *Л. Циновский.*

Художник *И. Т. Колочков.*

Подп. к печ. 7/1 1948 г. КЕ—00042. Печ. л. 3¹/₂. Уч.-изд. л. 2,75.
В печ. л. 34400 тип. зн. Тираж 5000 экз. Цена 1 руб. 40 коп.

Типография изд-ва Ивановского облсовета депутатов трудящихся,
г. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 1593.

ОТЧЕТЫ

Стр.
5
18
25
30
35
41

1. Наблюдения в поле
2. Наблюдения в саду
3. Наблюдения в лесу
4. Наблюдения в поле
5. Наблюдения в саду
6. Наблюдения в лесу

Председатель А. Сидоров
Удочник М. Т. Федоров

Всего 711 1918 г. КЕ-2000 1700 г. 2-й 3-й 4-й 5-й 6-й 7-й 8-й 9-й 10-й 11-й 12-й 13-й 14-й 15-й 16-й 17-й 18-й 19-й 20-й 21-й 22-й 23-й 24-й 25-й 26-й 27-й 28-й 29-й 30-й 31-й 32-й 33-й 34-й 35-й 36-й 37-й 38-й 39-й 40-й 41-й 42-й 43-й 44-й 45-й 46-й 47-й 48-й 49-й 50-й 51-й 52-й 53-й 54-й 55-й 56-й 57-й 58-й 59-й 60-й 61-й 62-й 63-й 64-й 65-й 66-й 67-й 68-й 69-й 70-й 71-й 72-й 73-й 74-й 75-й 76-й 77-й 78-й 79-й 80-й 81-й 82-й 83-й 84-й 85-й 86-й 87-й 88-й 89-й 90-й 91-й 92-й 93-й 94-й 95-й 96-й 97-й 98-й 99-й 100-й 101-й 102-й 103-й 104-й 105-й 106-й 107-й 108-й 109-й 110-й 111-й 112-й 113-й 114-й 115-й 116-й 117-й 118-й 119-й 120-й 121-й 122-й 123-й 124-й 125-й 126-й 127-й 128-й 129-й 130-й 131-й 132-й 133-й 134-й 135-й 136-й 137-й 138-й 139-й 140-й 141-й 142-й 143-й 144-й 145-й 146-й 147-й 148-й 149-й 150-й 151-й 152-й 153-й 154-й 155-й 156-й 157-й 158-й 159-й 160-й 161-й 162-й 163-й 164-й 165-й 166-й 167-й 168-й 169-й 170-й 171-й 172-й 173-й 174-й 175-й 176-й 177-й 178-й 179-й 180-й 181-й 182-й 183-й 184-й 185-й 186-й 187-й 188-й 189-й 190-й 191-й 192-й 193-й 194-й 195-й 196-й 197-й 198-й 199-й 200-й 201-й 202-й 203-й 204-й 205-й 206-й 207-й 208-й 209-й 210-й 211-й 212-й 213-й 214-й 215-й 216-й 217-й 218-й 219-й 220-й 221-й 222-й 223-й 224-й 225-й 226-й 227-й 228-й 229-й 230-й 231-й 232-й 233-й 234-й 235-й 236-й 237-й 238-й 239-й 240-й 241-й 242-й 243-й 244-й 245-й 246-й 247-й 248-й 249-й 250-й 251-й 252-й 253-й 254-й 255-й 256-й 257-й 258-й 259-й 260-й 261-й 262-й 263-й 264-й 265-й 266-й 267-й 268-й 269-й 270-й 271-й 272-й 273-й 274-й 275-й 276-й 277-й 278-й 279-й 280-й 281-й 282-й 283-й 284-й 285-й 286-й 287-й 288-й 289-й 290-й 291-й 292-й 293-й 294-й 295-й 296-й 297-й 298-й 299-й 300-й 301-й 302-й 303-й 304-й 305-й 306-й 307-й 308-й 309-й 310-й 311-й 312-й 313-й 314-й 315-й 316-й 317-й 318-й 319-й 320-й 321-й 322-й 323-й 324-й 325-й 326-й 327-й 328-й 329-й 330-й 331-й 332-й 333-й 334-й 335-й 336-й 337-й 338-й 339-й 340-й 341-й 342-й 343-й 344-й 345-й 346-й 347-й 348-й 349-й 350-й 351-й 352-й 353-й 354-й 355-й 356-й 357-й 358-й 359-й 360-й 361-й 362-й 363-й 364-й 365-й 366-й 367-й 368-й 369-й 370-й 371-й 372-й 373-й 374-й 375-й 376-й 377-й 378-й 379-й 380-й 381-й 382-й 383-й 384-й 385-й 386-й 387-й 388-й 389-й 390-й 391-й 392-й 393-й 394-й 395-й 396-й 397-й 398-й 399-й 400-й 401-й 402-й 403-й 404-й 405-й 406-й 407-й 408-й 409-й 410-й 411-й 412-й 413-й 414-й 415-й 416-й 417-й 418-й 419-й 420-й 421-й 422-й 423-й 424-й 425-й 426-й 427-й 428-й 429-й 430-й 431-й 432-й 433-й 434-й 435-й 436-й 437-й 438-й 439-й 440-й 441-й 442-й 443-й 444-й 445-й 446-й 447-й 448-й 449-й 450-й 451-й 452-й 453-й 454-й 455-й 456-й 457-й 458-й 459-й 460-й 461-й 462-й 463-й 464-й 465-й 466-й 467-й 468-й 469-й 470-й 471-й 472-й 473-й 474-й 475-й 476-й 477-й 478-й 479-й 480-й 481-й 482-й 483-й 484-й 485-й 486-й 487-й 488-й 489-й 490-й 491-й 492-й 493-й 494-й 495-й 496-й 497-й 498-й 499-й 500-й 501-й 502-й 503-й 504-й 505-й 506-й 507-й 508-й 509-й 510-й 511-й 512-й 513-й 514-й 515-й 516-й 517-й 518-й 519-й 520-й 521-й 522-й 523-й 524-й 525-й 526-й 527-й 528-й 529-й 530-й 531-й 532-й 533-й 534-й 535-й 536-й 537-й 538-й 539-й 540-й 541-й 542-й 543-й 544-й 545-й 546-й 547-й 548-й 549-й 550-й 551-й 552-й 553-й 554-й 555-й 556-й 557-й 558-й 559-й 560-й 561-й 562-й 563-й 564-й 565-й 566-й 567-й 568-й 569-й 570-й 571-й 572-й 573-й 574-й 575-й 576-й 577-й 578-й 579-й 580-й 581-й 582-й 583-й 584-й 585-й 586-й 587-й 588-й 589-й 590-й 591-й 592-й 593-й 594-й 595-й 596-й 597-й 598-й 599-й 600-й 601-й 602-й 603-й 604-й 605-й 606-й 607-й 608-й 609-й 610-й 611-й 612-й 613-й 614-й 615-й 616-й 617-й 618-й 619-й 620-й 621-й 622-й 623-й 624-й 625-й 626-й 627-й 628-й 629-й 630-й 631-й 632-й 633-й 634-й 635-й 636-й 637-й 638-й 639-й 640-й 641-й 642-й 643-й 644-й 645-й 646-й 647-й 648-й 649-й 650-й 651-й 652-й 653-й 654-й 655-й 656-й 657-й 658-й 659-й 660-й 661-й 662-й 663-й 664-й 665-й 666-й 667-й 668-й 669-й 670-й 671-й 672-й 673-й 674-й 675-й 676-й 677-й 678-й 679-й 680-й 681-й 682-й 683-й 684-й 685-й 686-й 687-й 688-й 689-й 690-й 691-й 692-й 693-й 694-й 695-й 696-й 697-й 698-й 699-й 700-й 701-й 702-й 703-й 704-й 705-й 706-й 707-й 708-й 709-й 710-й 711-й 712-й 713-й 714-й 715-й 716-й 717-й 718-й 719-й 720-й 721-й 722-й 723-й 724-й 725-й 726-й 727-й 728-й 729-й 730-й 731-й 732-й 733-й 734-й 735-й 736-й 737-й 738-й 739-й 740-й 741-й 742-й 743-й 744-й 745-й 746-й 747-й 748-й 749-й 750-й 751-й 752-й 753-й 754-й 755-й 756-й 757-й 758-й 759-й 760-й 761-й 762-й 763-й 764-й 765-й 766-й 767-й 768-й 769-й 770-й 771-й 772-й 773-й 774-й 775-й 776-й 777-й 778-й 779-й 780-й 781-й 782-й 783-й 784-й 785-й 786-й 787-й 788-й 789-й 790-й 791-й 792-й 793-й 794-й 795-й 796-й 797-й 798-й 799-й 800-й 801-й 802-й 803-й 804-й 805-й 806-й 807-й 808-й 809-й 810-й 811-й 812-й 813-й 814-й 815-й 816-й 817-й 818-й 819-й 820-й 821-й 822-й 823-й 824-й 825-й 826-й 827-й 828-й 829-й 830-й 831-й 832-й 833-й 834-й 835-й 836-й 837-й 838-й 839-й 840-й 841-й 842-й 843-й 844-й 845-й 846-й 847-й 848-й 849-й 850-й 851-й 852-й 853-й 854-й 855-й 856-й 857-й 858-й 859-й 860-й 861-й 862-й 863-й 864-й 865-й 866-й 867-й 868-й 869-й 870-й 871-й 872-й 873-й 874-й 875-й 876-й 877-й 878-й 879-й 880-й 881-й 882-й 883-й 884-й 885-й 886-й 887-й 888-й 889-й 890-й 891-й 892-й 893-й 894-й 895-й 896-й 897-й 898-й 899-й 900-й 901-й 902-й 903-й 904-й 905-й 906-й 907-й 908-й 909-й 910-й 911-й 912-й 913-й 914-й 915-й 916-й 917-й 918-й 919-й 920-й 921-й 922-й 923-й 924-й 925-й 926-й 927-й 928-й 929-й 930-й 931-й 932-й 933-й 934-й 935-й 936-й 937-й 938-й 939-й 940-й 941-й 942-й 943-й 944-й 945-й 946-й 947-й 948-й 949-й 950-й 951-й 952-й 953-й 954-й 955-й 956-й 957-й 958-й 959-й 960-й 961-й 962-й 963-й 964-й 965-й 966-й 967-й 968-й 969-й 970-й 971-й 972-й 973-й 974-й 975-й 976-й 977-й 978-й 979-й 980-й 981-й 982-й 983-й 984-й 985-й 986-й 987-й 988-й 989-й 990-й 991-й 992-й 993-й 994-й 995-й 996-й 997-й 998-й 999-й 1000-й

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

3 ТМО Т. 1 млн. 3. 212—78

1 руб. 40 коп.

1р

